

Библиотека / Абсолют

Сковорода

Григорий

Полное собрание текстов

Наставления
бродячего философа

ПЕСНИ. СТИХИ. БАСНИ

ТРАКТАТЫ. ДИАЛОГИ. ПРИТЧИ

Librar Absolut

Библиотека «Абсолют»

Григорий Сковорода
**Наставления бродячего
философа. Полное
собрание текстов**

«Издательство АСТ»

УДК 1(091)(47)
ББК 87.3(2)

Сковорода Г. С.

Наставления бродячего философа. Полное собрание текстов
/ Г. С. Сковорода — «Издательство АСТ», — (Библиотека
«Абсолют»)

ISBN 978-5-17-103298-2

Григорий Саввич Сковорода (1722–1794) — русский и украинский философ, баснописец и поэт. Занимался педагогической деятельностью. Затем провел значительное время в странствиях по городам и селам Малороссии и некоторых российских губерний. В дороге он много общался со своими учениками и простыми встречными. Поэтому жанр беседы или разговора занимает значительное место в творческом наследии Сковороды. Наряду с этим в сборник вошли все основные произведения мыслителя, в которых ярко проявились как своеобразие его этических и богословских взглядов, так и подлинное литературное дарование. В книгу включена также биография Сковороды, написанная его учеником Михаилом Ковалинским. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 1(091)(47)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-17-103298-2

© Сковорода Г. С.
© Издательство АСТ

Содержание

Григорий Сковорода, его жизнь, сочинения и учение	8
Песни стихи басни	22
Из «Сада[20] Божественных песен»[21]	23
Песнь 10-я	23
Песнь 11-я	24
Песнь 12-я	24
Песнь 13-я	25
Песнь 18-я	26
Песнь 21-я	27
Песнь 22-я	28
Песнь 23-я	29
Песнь 24-я	30
Песнь 28-я	31
Песнь 30-я	32
Стихотворения	34
De Libertate[38]	34
Quid est virtus?[40]	34
Разговор о премудрости[41]	34
Басни Харьковские[47]	38
Басня 1	39
Басня 2	39
Басня 3	40
Басня 4	40
Басня 5	40
Басня 6	41
Басня 7	41
Басня 8	41
Басня 9	41
Басня 10	42
Басня 11	42
Басня 12	43
Басня 13	43
Басня 14	43
Басня 15	44
Басня 16	44
Басня 17	45
Басня 18	45
Басня 19	46
Басня 20	47
Басня 21	47
Басня 22	48
Басня 23	49
Басня 24	49
Басня 25	50
Басня 26	51
Басня 27	51

Басня 28	52
Басня 29	53
Басня 30	53
Трактаты. Диалоги. Притчи[68]	57
Начальная дверь к Христианскому Добронравию[69]	59
Преддверие	59
Глава 1-я	60
Глава 2-я	60
Глава 3-я	61
Глава 4-я	61
Глава 5-я	63
Глава 6-я	65
Глава 7-я	65
Глава 8-я	65
Глава 9-я	66
Глава 10-я	66
Наркисс[73]	67
Разглагол о том: Узнай себя	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Григорий Саввич Сковорода
Наставления бродячего философа
Полное собрание текстов

Григорий Саввич Сковорода

1722–1794

Григорий Сковорода, его жизнь, сочинения и учение

...В истории философии, вообще, есть странные циклы, нечто вроде игры соответствий... Ну, скажем так, греческая философия началась ведь, в сущности, с Сократа, и почему-то всегда, когда философия начинается снова, она начинается Сократом... Просто под другим именем... Так вот, в основе таких циклов лежит сократовский опыт. Он повторяется...

(М. К. Мамардашвили)

«Следуй не пустым хитросплетениям софистов, не раздвоенным копытам свиней, но вкушай от тех книг, в коих рассматриваются такие или им подобные предметы: Что есть философия? Ответ: пребывать наедине с собою, с самим собой уметь вести беседу. (...) Именно такими книгами душа готовится к чтению Св. Писания, которое является раем благодетельных и ангельских умов, на которое всегда взирают, но никогда не пресыщаются, – писал Григорий Сковорода осенью 1762 года в латинском письме своему юному другу и ученику Михаилу Ковалинскому. – Взирай на тех людей, чьи слова, дела, око, походка, движения, еда, питье, короче говоря, вся жизнь направлена внутрь... Они не стремятся за летающими тварями за облака, но заняты единственно своей душой и внимают самим себе, пока не приготовят себя как достойную обитель Бога. И когда Бог вселится в их души, когда воцарится в них, тогда то, что толпе представляется чем-то невыносимым, ужасным, бесплодным, будет для них божественным нектаром и амброзией, кратко сказать – „веселие вечное“ и т. д.»¹

Пройдут годы, и постаревший Ковалинский, завершая написанную в назидание потомкам «Жизнь Григория Сковороды» (наиболее полный и достоверный источник сведений об украинском мыслителе), почтит память учителя и друга такой вот стихотворной эпитафией:

Ревнитель истинны, духовный Богочец,
И словом, и умом, и жизнью Мудрец;
Любитель простоты и от сует свободы,
Без лести друг прямой, доволен всем всегда,
Достиг на верх наук, познавши дух природы,
Достойный для сердец пример, Сковорода.

(С.1375)

Здесь природа – не только мироздание с его обязательными и неукоснительно работающими законами, но и сокровенная суть человека, а наука – прежде всего самопознание, забота о своей душе, выявляющая, опознающая, дающая возрасти и осуществиться этой сокровенной сути.

Оставшийся в народной памяти «старец», бессребреник, нищий и бездомный странник, «любитель священных Библии» Григорий Саввич Сковорода был одним из самых образованных людей своего времени. Гонимый недоброжелателями и клеветниками, не желавший ни ловчить, ни прислуживаться, он всегда находил возможность реализовать свою великолепную внутреннюю свободу вовне и отстоять собственное достоинство пред сильными мира сего, – мира, ловившего его клейкими тенетами страстей и соблазнительных компромиссов. Поэт, песни которого долгое время после его смерти пели соотечественники; педагог, чьи ученики,

¹ Сковорода Г. Сочинения. В 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1974. С. 197–198, с исправлениями; лат. оригинал см.: Сковорода, Григорій. Повна академічна збірка творів / За ред. проф. Леоніда Ушкалова. Харків: Майдан, 2010. С.1071; далее страницы этого издания указываются в тексте; орфография упрощена).

друзья и знакомые собрали в 1803 году нужную сумму денег для основания Харьковского университета; принципиальный космополит, гражданин мира, нежно любивший «мать-Малороссию и тетку-Украину»; мудрец и мистик, неустанно ведущий в сердце «духовную брань», взыскующий Града Невидимого, Горнего Иерусалима, с мучительной остротой переживающий трагическую двойственность бытия:

Мір сей являє Вид Благолепний.
Но в ньм тається Червь неусыпний. (...)
Горе ти, Міре! Смех вне являєш.
Внутр же Душею тайно рыдаєш.

(С.933)

Образ Сковороды очень рано становится объектом мифологизации, это заметно уже в воспоминаниях Ковалинского.² На протяжении XIX – к началу XX в. складывается один из самых важных сюжетов «сковородиновского мифа»: первый отечественный философ, зачинатель национальной философской традиции...³ Рассказывают, что Владимир Соловьев читал друзьям «Краткую повесть об Антихристе», сидя под портретом своего предка – Сковороды. «В лице Сковороды происходит *рождение философского разума в России*; и в этом первом же лепете звучат новые, незнакомые новой Европе ноты, объявляется определенная вражда рационализму, закладываются основы совершенно иного самоопределения философского разума», – писал, разрабатывая концепцию оригинальной русской философии, Владимир Эрн.⁴ Многозначительным упоминанием украинского мудреца завершает свой знаменитый роман «Петербург» Андрей Белый. «Григорий Саввич Сковорода примечателен, как первый философ на Руси в точном смысле слова, – итожил в эмиграции о. Василий Зеньковский. – (...) Хотя Сковорода в своем развитии чрезвычайно связан с церковной жизнью Украины, но он далеко выходит за ее пределы и по существу созвучен общерусской духовной жизни».⁵

Сковороду называли харьковским Диогеном, нашим Пифагором и Ксенофаном, степным Ломоносовым и т. п. В советское время его предупредительно выдавали за материалиста и атеиста и чуть ли не предтечу марксизма-ленинизма. Некоторые представители украинской эмиграции писали о Сковороде как о создателе «украинской национальной идеи». Сейчас иные горячие головы сравнивают его с Кьеркегором, Хайдеггером, Поппером, Хинтикой и даже с Буддой, Христом и Магометом! Впрочем, всегда находились и те, кто наотрез отказывались признавать в Сковороде философа, видя в нем лишь странствующего глашатая тривиальных моральных постулатов, полу-еретика, полу-сектанта.

Сам Сковорода, судя по всему, осознавал себя философом, «Сократом на Руси», и для этого были определенные основания. Он вел со своими учениками сократические «друже-

² См.: Марченко О. Некоторые замечания о восприятии личности и учения Григория Сковороды в России XIX–XX вв. // Созидаящая верность: К 90-летию А. А. Тахо-Годи. М., 2012. С. 147–160.

³ См.: Марченко О. В. Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX–XX вв. Исследования и материалы. Часть I. М., 2007.

⁴ Эрн В. Ф. Григорий Саввич Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912. С.333. См. также подготовленное нами переиздание в журнале «Волшебная Гора» (М., 1998. Т. 7. С. 26–157).

⁵ Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 1. Ч.1. Л., 1991. С.65. Теряя всякую меру, Б. П. Вышеславцев писал в работе «Вечное в русской философии» (1955 г.): «Первый оригинальный русский философ, каким я признаю Сковороду, русский мыслитель, богослов, поэт, еще в середине 18-го века сразу выразил весь будущий характер русской философии и все его древние истоки. (...) Это был русский европеец и всечеловек, каким Достоевский мечтал видеть человека вообще в своей пушкинской речи. (...) В личности Сковороды воплощаются, в сущности, все заветные устремления и симпатии русской философии, которые затем воплотились в личности Вл. Соловьева и всей нашей плеяды русских философов эпохи русского возрождения, как-то: братья Трубецкие, Лопатин, Новгородцев, Франк, Лосский, Аскольдов и мы немногие, которые еще можем напомнить новому поколению, в чем состоит дух и трагедия русской философии, и которые старались ее продолжать в своих трудах за рубежом» (Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994. С.155, 156).

ские беседы», темой которых были человек и его воспитание в добродетели, самопознание, душевный покой и счастье как результат следования своей внутренней натуре, «сродности». Умело, с хорошим педагогическим тактом вводил собеседников в мир многовековой европейской культуры, в которой он, представитель позднего барокко, чувствовал себя как дома. У него был и «демон», схожий с сократовским, внутренний *голос* (по определению Сковороды – «внутренний ангел предводитель во всех делах»). Как и Сократ, Сковорода принадлежал к тому немногочисленному ряду мыслителей, чья жизнь строго соответствовала их учению, слово не расходилось с делом. Именно эта цельность, столь искомая последующими отечественными мыслителями, прежде всего и привлекала почитателей Сковороды, в том числе и Льва Толстого. Наконец, не будучи ни великим религиозным реформатором, ни мыслителем ранга Канта и Хайдеггера, Сковорода был все же настоящим философом, а это немало.

Сковорода-философ – периферийное явление европейского интеллектуального процесса XVIII в., века Просвещения. «Я потратил около сорока лет на паломничество (...), целью которого были поиски философского камня, именуемого истиной, – писал один из властителей дум того времени, Вольтер, у которого, как известно, было много почитателей и в России. – Я советовался со всеми поклонниками античности, с Эпикуром и Августином, Платоном и Мальбраншем, но остался при своей бедности. Быть может во всех этих философских горнилах содержатся одна-две унции золота; все же остальное – тлен, безвкусное месиво, из которого ничто не может родиться. (...) Что же остается нам после положений древних философов, сведенных мною воедино настолько, насколько я мог? Хаос химер и сомнений. Не думаю, чтобы на свете существовал хоть один философ-системосозидатель, который не признался бы в конце своей жизни, что он даром терял свое время. Следует признать, что изобретатели в области искусства механики оказались значительно полезнее людям, чем изобретатели силлогизмов: тот, кто изобрел ткацкий станок, имеет несказанное преимущество перед тем, кто придумал врожденные идеи».⁶ Подобного рода салонная софистика вряд ли вызвала бы у Сковороды что-либо кроме улыбки. И такое «паломничество», – и сам «паломник» в виде человека-машины Ж.О. де Ламетри, или человека-инструмента, человека-как-особым-образом-организованного-куска-мяса другого властителя дум, Дени Дидро, который в «Разговоре в Д'Аламбером» утверждал: «Мы – инструменты, одаренные способностью ощущать и памятью. Наши чувства – это клавиши, по которым ударяет окружающая нас природа и которые часто издают звук сами по себе (...). Если вы признаете, что между животным и вами разница только в организации, то вы обнаружите здравый смысл и рассудительность (...). Во вселенной, в человеке и в животном есть только одна субстанция. Ручной органчик – из дерева, человек – из мяса. Чирик из мяса, музыкант – из мяса, иначе организованного; но и тот и другой одного происхождения, имеют одинаковое устройство, одни и те же функции, одну и ту же цель»⁷. Такой человек, такой здравый смысл, такая рассудительность и такое просвещение вызвали бы у обладавшего недурным чувством юмора Сковороды реплику вроде следующей: «Право, ты, друг, забавен, люблю тебе. Можешь и о враках речь вести трагедияльно. Вижу, что твой хранитель есть то ангел витийства. Тебе-то дано, как притча есть: „Ex musca elephantem, Ex cloaca arsem“ скажу напрямик: из кота Кита, а Из нужника создать Сион» (С.438).

По мере того, как классическая «просветительская» парадигма философствования сама перемещалась на периферию, возрастал интерес к маргинальным фигурам, в том числе и к Сковороде.

Украинский мыслитель восстановил и реализовал в своей жизни и учении древнее, исконное представление о философии. Любовь к мудрости, софийному мастерству, философия – не сумма готовых знаний, которую следует лишь усвоить, а затем передать ученикам и

⁶ Вольтер. Философские сочинения. М., 1988. С. 685–686, 689.

⁷ Дидро Д. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М., 1986. С. 385–386, 387, 388.

последователям. Философия – прежде всего путь, рискованный поиск, впервые выявляющий природу человека, преобразующий сам режим его существования. Это аскетическое усилие как креативный акт, экзистенциальное предпочтение, «снимающее» без-у-словность мировой данности и позволяющий бытию явить, а человеку услышать голос логоса, смысла, истины. Усилие, пробуждающее самосознание, неустанная работа по поддержанию его бодрствования, «стояние на страже» интеллектуальное и нравственно-эмоционально-волевое. Именно в этом определенном образе жизни коренится философский дискурс,⁸ но философ – больше, чем его дискурс, ибо сам он – знак, жест, фигура трансцендентного, явленного предельно жизненно и конкретно. Важно также, что философия, это «веселое ремесло и умное веселие» (Вяч. Иванов), насквозь пронизана стихией игры, она и родилась в этой стихии, о чем философ не забывает даже перед смертью. «Как нам похоронить тебя, Сократ? – спрашивали философа ученики. – Как угодно, – отвечал Сократ, – если, конечно, сумеете меня схватить и я не убегу от вас». Помнил это и Боэций, беседующий в темнице с Утешительницей-Философией. Напоминал об этом и Сковорода, завещав написать на его могильном камне знаменитое: *Mir ловил меня, но не поймал.*

Григорий Саввич Сковорода родился 22 ноября (3 декабря) 1722 г. в селе Чернухи на Полтавщине, в семье малоземельного казака. В 1734–1753 гг. учился, с двумя перерывами, в Киево-Могилянской Академии, где сразу же был отмечен как один из лучших студентов. Описываемое время – не самое значительное в истории некогда знаменитой Академии, хотя Сковороде довелось слушать лекции таких известных профессоров, как Михаил Козачинский, Георгий Конисский, Стефан Тодорский. Кроме академических штудий, будущий философ неустанно занимался самообразованием. Из стен Академии Сковорода вынес превосходное знание античной литературы, древних и новых языков – и стойкую неприязнь к схоластике.

1742–1744 гг. Сковорода проводит в российских столицах в качестве певчего придворной капеллы – у него был прекрасный голос. Едва возобновив прерванную учебу, в 1745 г. в составе комиссии генерала Ф. Вишневого (поставка токайских вин к императорскому двору) он отправляется в Венгрию, а оттуда уже самостоятельно – в нынешнюю Словакию, Австрию и, возможно, Германию и северную Италию. Точный маршрут путешествия – а оно длилось пять лет – неизвестен, но цель его Ковалинский называет вполне определенно: Сковорода, «любопытствуя по охоте своей, старался знакомиться наипаче с людьми, ученостию и знаніями отлично славимыми тогда. Он говорил весьма исправно и с особливою чистотою латинским и немецким языком, довольно разумел эллинскій, почему и способствовался сими доставить себе знакомство и пріязнь ученых, а с ними новые познанія, каковых не имел и не мог иметь в своем отечестве» (С.1343).

По возвращении Сковорода приглашен преподавать теорию поэтического искусства в коллегиум Переяславля (Хмельницкого), откуда, впрочем, был скоро изгнан из-за отказа привести свой курс, в котором имелись какие-то новации, в соответствие с установленными образцами (текст не сохранился). «Лета, дарованія душевныя, склонности природныя, нужды житейскія звали его попеременно к принятію какого-либо состоянія жизни, – рассказывает Ковалинский. – Суетность и многозаботливость светская представлялась ему морем, обуреваемым безпрестанно волнами житейскими и никогда плывущаго к пристани душевного спокойствія не доставляющим. В монашестве, удалившемся от начала своего, видел он мрачное гнездо спершихся страстей и, за неименіем исхода себе, задушающих бытіе смертоносно и жалостно. Брачное состояніе, сколько ни одобрительно природою, но не приияствовало беспечному его нраву. Не реша себя ни на какое состояніе, положил он твердо на сердце своем снабдить свою жизнь воздержаніем, малодовольством, целомудріем, смиреніем, трудо-

⁸ Эта проблематика концептуально и обстоятельно рассматривается в книге Пьера Адо 1995 г. (*Адо П. Что такое античная философия?* М., 1999).

любієм, терпенієм, благодушеством, простотою нравов, чистосердечієм, оставить все искательства суетныя, все попеченія любостязанія, все трудности излишества. Такое самоотверженіе сближало его благоуспешно к любомудрію» (С.1347).

Он работает домашним учителем, отвергает неоднократно предлагаемый – как начало церковной карьеры – монашеский сан, с 1759 по 1769 г. с перерывами преподает поэтику, древнегреческий язык и катехизис в Харьковском коллегиуме.⁹ Растет его известность как педагога, мыслителя и поэта, вызывая, однако, неоднозначное отношение со стороны городских обывателей и некоторых представителей духовенства, обвинения в неортодоксальности взглядов и дурном влиянии на молодежь.

Все это понемногу готовило Сковороду к его главному жизненному решению. С 1769 г. и до конца дней он ведет жизнь странствующего философа, «старчика», – своеобразное монашество в миру. С палкой в руках, с торбой за плечами, в которой лежат нехитрые пожитки, Библия, рукописи, флейта, он скитается по дорогам Слобожанщины, находя временный приют у друзей и знакомых в дворянских усадьбах, монастырях, селах, хуторах, на пасеках. Это многолетнее странствие Сковороды не означало ни угрюмости, ни озлобленности. «... Многие спрашивают, – писал философ Ковалинскому, – что делает в жизни Сковорода? Я же о Господе радуюсь. Веселюсь о Боге, Спасе моем». Не было здесь и отчужденности, замкнутости, отказа от общения с людьми, – напротив, общение продолжалось в дорожных встречах, во время недолгих остановок-гостеваний, в весьма активной переписке. «Сковорода всегда в человеческом окружении, – хорошо пишет об этом современный биограф. – Ему здесь не тесно, ему с каждым есть о чем поговорить. Даже пустынножительство в лесном захолустье, он своими письмами продолжает разговор с десятками разных людей. (...) Сократическое начало в личности Сковороды (...), может быть, прежде всего обнаруживает себя именно в этом его свободном самочувствии на людях, в ошеломительной мощи житейского опыта, в неутомимом желании перекинуться с кем-нибудь словом-другим, а там, глядишь, втянуть в беседу, разбудоражить дерзкой мыслью, и все это с улыбкой, почти шутя...»¹⁰

Однако его странствие – это движение, сохраняющее автономность, самозаконность, внутреннюю логику, направленное через все препоны, задержки, остановки к вожденной гавани, искомой блаженной полноте *покоя*, что отразилось и в понимании Сковородой природы мысли: «Глава в Человеке всему Сердце человеческое. Оно-то есть самый точный в Человеке Человек, а прочее все Околица (...) А Что же есть Сердце, если не душа? Что есть душа, если не бездонная Мыслей бездна? (...) Мысль есть Тайная в телесной нашей Машине Пружина, Глава и Начало всего движения Ея (...). Мысль никогда не почивает. Непрерывное стремление Ея есть то желание. Огонь угасает, река останавливает, а невещественная и безстихийная Мысль, носящая на себе Грубую бренность, как ризу Мертвую, движение свое прекратить (хоть она в теле, хоть вне тела) никак не сродна ни на Одно Мгновение и продолжает равномолнїное своего Летанья стремление чрез неограниченнїи вечности Миллионы безконечнїи. За чем же Она стремится? Ищет своей сладости и покою: Покой же ея не в том, чтоб остановиться и протянуться, как мертвое тело; живой Ея Натуре, или породе, сіе несродно и чуждо. Но противное сему: Она, будто во странствїи находясь, ищет по Мертвым стихїям своего сродства: и подлыми Забавами не угасив, но пуще распалив свою жажду, тем стремительнее от раблепной вещественной Природы возносится к вышней Господственной Натуре, к родному своему и безначалному Началу, дабы, сіяніем Его и Огнем Тайнаго Зрения очистившись, уволнитись телесной Земли и Землянаго Тела. И сіе-то Есть внїти в Покой Божїй, очиститися

⁹ Об этом учебном заведении см.: Посохова Л. Ю. Харківський коле́гіум (XVIII – перша половина XIX ст.). Харків, 1999.

¹⁰ Лоциц Ю. М. Сковорода. М., 1972. С.151. О жизни Сковороды см. также: Багалій Д. І. Український мандрований філософ Григорій Сковорода. К., 1992 (первое изд.: 1926); Махновець Л. Григорій Сковорода. Біографія. К., 1972; Ушкалов Л. Ловитва неловного птаха: Життя Григорія Сковороди. К., 2017.

всякаго тленія, сделать совершенно вольное стремленіе и безпрепятственное движеніе, вылетев из телесных вещества Границ на свободу духа...» (С.523, 524).

Именно в пору странствий Сковорода написал свои основные сочинения. Умер философ 29 октября (9 ноября) 1794 г. в селе Пан-Ивановка под Харьковом (ныне Сковородиновка).

Сочинения Сковороды при жизни не публиковались и распространялись в рукописных копиях. Некоторые из его стихотворных произведений стали весьма популярными песнями, в частности, знаменитая Песнь 10-я из сборника «Сад Божественных Песней»:

Всякому городу нрав и права.
Всяка имеет свой ум голова.
Всякому сердцу своя есть любовь.
Всякому горлу свой есть вкус каков.
А мне одна только в свете дума.
А мне одно только не идет с ума. (...)

(С.60)

Перу Сковороды принадлежит трактат по христианской этике «Начальная Дверь ко Христіянскому Добронравію», несколько философских диалогов и трактатов – «Наркїсс», «Симфонія, нареченная Книга Асхань о Познаніи самого себе», «Діалог, или Разглагол о древнем міре», «Разговор Пяти путников о истинном щастіи в жизни», «Кольцо», «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь Мира», «Книжечка о Чтеніи Священнаго Писанія, нареченна Жена Лотова», «Діалог. Имя ему: Потоп зміин» и др., две притчи – «Благодарный Еродій» и «Убогій Жайворонок» и две великолепные «мениппеи» – «Брань Архистратига Михаила со Сатаною о сем: Легко быть Благим» и «Пря Бесу со Варсавою». Сковорода – автор разножанровой лирики (сборник «Сад Божественных Песней, прозябшій из зерен Священнаго Писанія», «Разговор о Премудрости», «De libertate», «In Natalem Jesy», «Quid est virtus» и др.), басен в прозе (сборник «Басни Харьковскія»), стихотворных «фабул» («Fabula», «Fabula de Tantalos»), переводов греческих (Плутарх Херонейский), латинских (Теренций, Цицерон, Гораций) и новолатинских (М. А. Муре, С. де Гозий) писателей. Следует упомянуть и многочисленные письма, в том числе латинские в большинстве своем послания М. Ковалинскому.

Распространенное мнение о Сковороде как «философе без системы» является, безусловно, анахронизмом. Форму систематизаторского трактата Сковорода, в самом деле, не любил. Однако цельность его натуры и жизни как опыта свободного построения своего бытия проявилась и в цельности его мышления – мышления поэта и философа позднего провинциального барокко. Главные моменты метафизики Сковороды и формы ее вербально-иконического выражения (персоналистически истолкованный платонизм, доктрина «безначальной истины» и Софии-Премудрости Божией, библейская герменевтика, диалогические жанровые структуры) являют собой *остроумное* единство барочного «концепта», вобравшего в себя и оригинально структурирующего многообразие идей, тем и образов предшествующих эпох европейской культуры.

В учении Сковороды вполне отчетливо можно выделить следующие традиционные аспекты:

теология: учение о сверхсущем Едином, о Божестве и ступенях его эманации, неоплатоническая интерпретация христианской тринитарной доктрины в форме учения о *трех мирах*, теодицея;

онтология: платонизированное учение о *двух натурах* и *трех мирах* как метафизическая парадигма диалектики сверх-сущего, сущего и не-сущего;

гносеология: обретение истины на пути «эротического» восхождения к «первоисточнику»-*αρχή*, герменевтическая природа познания ноуменального уровня вещей, «познай самого себя», онтологическое понимание истины;

антропология: учение о «внутреннем человеке» – отрасли божественного Логоса, взаимоотношение микро- и макрокосма в связи с проблемой *θέωσις*'а (обожения), апокатастасис и связанное с ним дистанцирование от христианской инкарнационной мистерии, понимание человека как сущности, владеющей бытием-для-себя;

этика: персоналистический мимесис *идеи* человека, «неравное всем равенство», *αυτάρκεια* (самодостаточность), аскеза;

эстетика: прекрасное – *идеи* вещей в интеллигибельном свете Единого, безобразное – *μη ον*, результат утраты эйдосами своей самотождественности; творчество как демиургическая работа над становлением вещей на пути приведения небытия к Бытию.¹¹

Вся эта проблематика тесно связана с философской мыслью Античности, Средневековья, Ренессанса и Барокко, представленной именами Платона, Плотина, Эпикура, Плутарха, Цицерона, Сенеки, Лукиана, Филона Александрийского, Климента Александрийского, Оригена, Евагрия Понтийского, Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, Эразма Роттердамского, Феофана Прокоповича, Михаила Козачинского, Дмитрия Ростовского, Паисия Величковского и др.¹²

«...Необозримое множество умов вот уже третье тысячелетие спорит, волнуется, горячится из-за Платона, поет ему дифирамбы или снижает его до уровня обывательской посредственности, – писал в свое время А. Ф. Лосев. – Можно сказать, что Платон оказался какой-то вечной проблемой истории человеческой культуры...» К ряду представителей европейской метафизики, учение которых невозможно понять вне Платона и длительной традиции платонизма, следует причислить и «прекрасного мыслителя XVIII ст.» Григория Сковороду.¹³ Центральное место в философии Сковороды занимает учение о трех «мирах» (*макркосм* – «мир обительный», Вселенная; *микроскосм* – человек и социум; *мир символов*) и двух «натурах». «Все три Мыры состоят из двоих, Едино составляющих Естеств, называемых *Ματєrια* и *Φορμα*. Сии Формы у Платона называются *Ιδεи*, сиречь *Видения*, *Виды*, *Образы*. Они суть Первороднии Мыры, Нерукотворенныя, Тайныя Вережки, преходящую Сень, или Материю, содержащую. Во великом, и в малом Мыре Вещественный Вид дает знать о утаенных под ним *Φορмах*, или вечных *Образах*. Также и в *Симболичном*, или *Βιβλίχном*, Мыре Собрание Тварей составляет *Ματєrию*. Но Божіе Естество, куда Знаменіем своим ведет Тварь, есть *Φορμα*. Убо и в сем Мыре есть *Ματєrια* и *Φορμα*, сиречь Плоть и Дух, Стень и Истина, Смерть и Жизнь» (С.495).

Философ строит здесь свое учение о двух натурах, видимой и невидимой, посредством платоновских понятий. Начало всего сущего («невидимая Натура», «Бог», «Форма», «Мысль», «Единое», «Ум всемирный», «Необходимость», «Дух», «Источник», «Иста», «Модель», «План», «Тождество», «Свет», «безначальное Начало», «Трисолнечное единство Божие», «Слово», «Имя Божие» и др.) Сковорода описывает, в частности, так: «Сіе правдивое Начало везде живет. По сему Оно не Часть и не состоит из Частей, но целое и твердое, затем и неразделяемое, с места на место не преходящее, но единое, безмерное и надежное. А как везде, так и всегда есть. Все предваряет и заключает, само ни предваряемое, ни заключаемое. (...) *Начало* точное есть то, что прежде себе ничего не имело. А как вся тварь родится и ищезает, так, конечно, нечто прежде ея было и после ея остается. И так, ничто *Началом* и *Концем* быть не

¹¹ Подробно эта интерпретация представлена в кн.: Ушкалов Л. В., Марченко О. В. Нариси з філософії Григорія Сковороди. Харків, 1993, и в других работах этих авторов.

¹² О параллелях с немецкой мистикой см.: Чижевський Д. Філософія Г. С. Сковороди. Харків, 2003 (первое изд.: Варшава, 1934).

¹³ Лосев А. Ф. Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 1. М., 1968. С.6; Лосев А. Ф. Вл. Соловьев. М., 1983. С.8.

может. *Начало* и *Конец* есть то же, что *Бог*, или *Вечность*. Ничего нет ни прежде Ея, ни после Ея. Все в неограниченных своих недрах вмещает, и не Ей что-либо, но Она всему Началом и Концем. *Начало* и *Конец* есть (...) то же. (...) *Вечность* не начинаемое свое и после всего остающееся Пространство даже до того простирает, чтоб Ей и предварять все-на-все.¹⁴ В ней так, как в Колце: первая и последняя Точка есть та же, и где началось, там же и кончилось» (С.735–736, 735). Невидимая натура есть «в Дереве истинным Деревом, в Траве Травую, в Музыке Музыкою, в Доме Домом, в Телѣ нашем Перстном *Новым* (...) Телом» (С.241), планом всех «*Коперниканских мыров*» (С.242), «*Солнушком*» в Солнце (С.401), «Печатью», которая «одна расходится в Тысящу»; она – «един Скудельный Модель», который «сокрылся в Десяти Тысящах Сосудов» (С.478), «Единый День», в котором «Тысяща наших Лет сокрываются», «Единый Божій Человек в Тысяще наших», «простирающееся по всем Векам, Местам и Тварям Единство» (С.480), «Безначальное невидимое *Начало*, центр свой везде, окружности нигде не имущее» (С.594), «Твердь... всякаго Разделенія и Осязанія чуждая» (С.943), «Изваяние премудрой Божіей десницы, в Зверях, древах, горах, реках и травах» (С.521).

Видимую натуру, материю («сон», «тень», «болван», «тьма», «прах», «тварь», «плоть» «вещество», «земля», «грязь», «материал», «тлень», «пустошь», «внешность», «видимость», «темница», «лжа», «мечта», «суета», «ад», «стихия», «знамение», «идол», «предел», «ветошь», «сень», «маска», «рухлядь», «смесь», «сволочь», «вздор», «плетки» и др.) мыслитель интерпретирует как «ничто» – *μη ον* (абсолютная возможность): «Вся исполняющее *Начало* и *Мир* сей, находясь тенью Его, границ не имеет. Он всегда и везде при своем *Начале*, как тень при Яблоне. В том только разнь, что Древо жизни стоит и пребывает, а тень умалется; то преходит, то родится, то ищезает и есть ничто. *Materia aeterna*» [материя вечна] (С.738).

Обе натуры вечны, хотя и неравноправны. Диалектика взаимодействия двух натур проявляется в виде перманентного акта творения – бесконечного процесса становления вещей. В сиянии сверхсущего Блага предстают *идеи* как предвечные парадигмы вещей, первичные порождающие модели, причащаясь которым материя – *μη ον* обретает бытийный статус. Так солнце, освещая дерево, является причиной появления его тени, которая «находится Обезьяною, подражающею во всем своей Госпоже Натуре».

Сверхсущее Единое, материя-*μη ον*, особый способ их взаимодействия и некоторые другие моменты свидетельствуют о платоническо-неоплатоническом характере онтологической модели Сковороды. Это тем более примечательно, что профессора Киево-Могилянской Академии, как правило, отдавали предпочтение аристотелизму, и платоновское учение об *идеях* представало в их курсах объектом достаточно радикальной критики. Платон интерпретируется Сковородой в духе неоплатонизма, поскольку и в Средние века, и значительно позднее на онтологию Платона смотрели сквозь призму неоплатонической триады «Единое – Ум – Душа», которая, в свою очередь, мыслилась генетически зависимой от христианской тринитарной доктрины. Согласно неоплатоническому учению, сущее возникает путем разворачивания сверхсущего Блага (Единого). Неоплатоническая эманационная лестница *Единое – Числа – Ум – Душа – Космос – Материя* есть результат взаимодействия двух субстанциально неравноправных моментов, Единого и Материи: с одной стороны, сущее является таковым в силу причастности к Единому, а с другой стороны, материя-*μη ον* оказывается общим условием становления вещей, чистой потенцией бытия. Таким образом, ступеньки разворачивания Единого зеркально отображают одна другую, вся эманационная лестница оказывается иерархией «зеркал» и «образов», *пирамидой света и тьмы*. На полюсах Единое есть зеркало как исполненный источник всего сущего, материя же зеркало – как ирреальная грань, условие проявления единого в ином. Эти метафоры-философемы, восходящие к сочинениям Платона, Плотина, гностиков, Дионисия Ареопагита, представленные в последующей традиции от Данте до Шел-

¹⁴ Все-на-все. Graece: Πάμπαν. Universum (примеч. Г. С. Сковороды).

линга и позднейших русских мыслителей, характерны и для Сковороды. Называя «зеркалом» Бога («Когда усмотрел ты новым Оком и Истинным Бога, Тогда уже ты Все в *Нем*, как во Источнике, как в Зерцале, увидел *то*, *Что* всегда в *Нем* было, а Ты никогда не видел» С.249), Сковорода подобно Николаю Кузанскому имеет в виду, что одно только зеркало безупречно – сам Бог, которым все принимается как есть, ибо это зеркало ни для чего существующего не другое, а то самое, что есть во всем, что есть; потому и каждая ступенька бытия является, в свою очередь, «зеркалом» Бога.

Типично платонической предстает у Сковороды также и метафора зеркала-μῆ ον. «... Вели поставить вокруг себе Сотню Зеркал Венцем. В то Время увидишь, что един твой Телесный Болван владеет Сотнею Видов, от единого его зависящих. А как только отнять Зеркалы, вдруг все Копии сокрываются во своей Исконности, или Оригине, будто Ветвы в Зерне своем. Однако же Телесный наш Болван и сам есть едина токмо Тень Истинного Человека. Сия Тварь, будто Обезьяна, образует Лицевидным Деяніем невидимую и Присносущную Силу и Божество *Того Человека*, коего все наши Болваны суть акибы Зерцаловидныя Тени, то являющиеся, то исчезающие при том, как *Истина* Господня стоит неподвижна во Веки, утвердившая Адамантово свое *Лице*, вмещающее безчисленный Песок наших Теней, простираемых из вездесущаго и неисчерпаемаго *Недра* ея безконечно» (С.481). Здесь зеркало как элемент иконичного конструирования Сковородой философской модели бытия представляет проблематику отражения *идеи* (εἶδος) в материи, когда первая утрачивает собственное совершенство и вследствие потери самотождественности распадается на «бесчисленный песок» подобий, отблесков (плотиновское εἶδωλον). Существенно, что вся проблематика эманационного зеркального отображения имеет у Сковороды экзистенциальную сверхзадачу, будучи переносима в плоскость диалектики «Я – не-Я». Мир (совокупность страстей) предстает во всех своих проявлениях расставленными «венцом» зеркалами, которые отображают самого мудреца, а точнее – творящуюся в нем самую борьбу между разумом (λόγος) и страстями. В сознании же неразумного человека такая интровертированная модель эманационного зеркального отражения предстает как бы «опрокинутой»: здесь господствует обратная перспектива, своего рода зеркальная инверсия, когда, по слову Григория Нисского, греховный разум человека, вместо того чтобы отображать вечное, отображает в себе бесформенную материю.

Разработкой и детализацией платонического учения о невидимой натуре, умозримой «под грубою корою вещества» (В. С. Соловьев) в макрокосме, микрокосме и мире символическом, стала у Сковороды укорененная в библейской и античной почве софиология. Речь идет о проблематике развертывания многообразия сотворенного мира из Божественного Единства. София – Премудрость Божия, предвечное личностное начало, имеющее у каждого народа свое имя, но единое для всего сущего, есть мать «доброты всякой» (т. е. добротности, ладности, ἀρετή) и «стройности»: принцип упорядоченности, устройства, размеренности и взаимосоотнесенности частей целого. Это мысли (λογος) и советы, промышление Божества о мире, сердце мира. София включает в себя начала (αρχαs), формы (τυποιs), и виды (εἶδει) творения, это «план» мироздания в целом и подробностях.

Принципиальным в соотношении «невидимой» и «видимой» натур в *макрокосме* является то, что макрокосм, устроенный согласно «мере, числу и весу» (Прем 11:21) и управляемый «промыслом общим», актуально совершенен. Гностического отрицания природы у Сковороды не найти. «О всем зрелым разумом разсуждайте, не слушая Шепотника діавола, и уразумеете, что вся Экономія Божія во всей вселенной Исправна, добра и всем нам всеполезна есть» (С.518). Частное уподобление мира часовому механизму у Сковороды уравновешено другим важным сравнением: мир это Вертоград Божий, насажденный и взращенный Премудростью, яблонеый сад, где философ ведет беседы со своими взыскующими истины друзьями. Великолепие живого космоса, пронизанного творческими логосами, есть иное Бога, точнее его Премудрости, космос «софиен» и София «космична».

Что касается другого мира, *символического*, то здесь между двумя натурами уже ощутимо некоторое несоответствие. Форма творящая и форма сотворенная, *forma formans et forma formata* рассогласованы. Во-первых, это естественное противостояние чувственного существования знаковой стороны символа и его смысловой полноты. Во-вторых, это «видимое» противостояние разнородного состава самого символического мира (Библия, философские сентенции, греко-римская мифология, фольклор, др.) и предполагаемого сущностного единства. Это несоответствие преодолевается в акте медитации философом, богословом, «мистагогом», открывающим Премудрость божественного Замысла.

София описывается, с одной стороны, как восприимница Единства, оказываясь для него многим, с другой же стороны, в своей обращенности к многообразию мира, она становится для этого последнего самым принципом единства. Расчлененность и разнообразие материальной и духовной сфер человеческой жизни, обилие ремесел, искусств, наук и т. д. находит в Софии принцип сопряжения и взаимосоотнесенности. Это учение о *Σοφία πολυτοκίλος*, многообразной, многовидной премудрости. Опирающееся на новозаветные тексты (Еф. 3:8-12; 1 Кор.1:21-24; Евр. 1:1-2) и развиваемое раннехристианскими авторами, оно определяет функцию Софии-Христа как посредника между Богом и миром. В сочетании с учением Платона о трех социальных слоях в его «Государстве», стоическим *οἰκεῖοσις* (естественная predisposition) и идеей ап. Павла о Телес Христовом как принципе всеединства (Рим.12:4-8) учение о многообразной Премудрости становится для Сковороды основой его знаменитой концепции *сродного* (т. е. софийного) труда. В Софии же заключены и «модели», идеальные образцы государства, города, семьи. «Премудрость (...) есть Прекраснейшее Лицо Божие, которым Он, со временем напечатываясь на душе нашей, делает нас из диких и безобразных Монстров, или Уродов, Человеками, то есть зверками, к Содружеству и к помянутым Сожительствам годными, незлобивыми, воздержными, великодушными и справедливыми» (С.216). Социальная динамика как самоцель, стремление человека любой ценой двигаться вверх по общественной лестнице к вожаемой «вершине» предстает в сковородинском понимании знаком негативного, неистинного существования (которое обязательно даст о себе знать экзистенциальными состояниями «тоски», «скуки»). Позитивным движением является возрастание внутрь, познание и осуществление человеком своей индивидуальной *сродности*, божественного о себе замысла, «внутреннего человека», – в форме той или иной общественно значимой деятельности, поднятой на уровень мастерства. «...Я учил, – не устал повторять Сковорода, – всегда осматриваться на свою природу, кратко сказать, познать себе самага, к чему он рожден, ибо никого Бог не обидил» (С.1267). Совокупность сродностей как умопостигаемых предвечных личностей, «внутреннее человечество» – это и есть применительно к сфере *микрокосма* София-Премудрость Божия¹⁵.

Однако именно в сфере микрокосма разрыв между двумя натурами достигает катастрофического масштаба. И чтобы прояснить причину этого разрыва, Сковорода конкретизирует свою софиологию посредством модели *Theatrum Mundi*, тем самым открывая в ней неожиданную грань. Макрокосм теперь может быть описан как «Вселенский Чудотворный Театр» (С.953), а София – как сценарий этого космического действа. В мире символов София будет сценарием, лежащим в основе символического (аллегорического) представления Священного Писания. В сфере же микрокосма Премудрость мыслится парадигмой общественного устройства, промыслом особым для человека, его *ролью* в «божественной комедии». «Театральная софиология» Сковороды, опирающаяся на излюбленное в античности представление о мире-как-театре, общераспространенное в культуре Барокко, но отвергаемое раннехристиан-

¹⁵ Очень хорошо писал об этом В. Ф. Эрн в своей первой посвященной жизни и учению Сковороды работе: «Вместо Платонова мира идей, у Сковороды по-христиански получается мир божественных и бессмертных, сияющих вечностью личностей человеческих, которые скрыты под рабством и безобразием живущих в неправде людей» (*Эрн В. Ф. Русский Сократ // Северное сияние. 1908. № 1. С.68*).

скими мыслителями, есть попытка решения проблемы зла, т. е. вариант теодицеи. Зло у Сковороды – это бес-порядок, не-строение, не-должное расположение благих само по себе элементов мира, «те ж от Бога созданныи благаи вещи, приведенны кем в беспорядок» (С.1267), это отказ человека от своей (внутренней) сродности-роли, предусмотренной божественным Сценарием, и игра чужой роли, превращение мира в низменный маскарад, театр суеты и амбициозного лицедейства. Истоки зла – в своеволии, своевластии-самозванстве человека, отвергающего божескую волю и стремящегося утвердить свой порядок вещей. Как бес-порядок, так и восстановление – перманентный процесс, происходящий помимо искупительной жертвы Христа, поскольку грехопадение первого человека не имеет в учении Сковороды существенного значения. Потому и София не имеет лика Христа; это скорее Бог-поэт, ритор, творящий из косного материала поэму мироздания и имманентный своему творению «Бог богатому подобен *Фонтану*, наполняющему различные сосуды по их вместности, – иллюстрирует Сковорода свою „театральную софиологию“. – Над *Фонтаном* надпись сия: „*Не равное всем равенство*“» (С.669). *Софія πολυτοκίλος*, Премудрость многообразная оборачивается Софией многоликой¹⁶.

По-видимому, сам Сковорода, с его обостренным чувствованием зла в мире, ощущал некоторую «легковесность» своей теодицеи. И это влечет за собой параллельное, так сказать, присутствие в его сознании радикального эсхатологизма, напряженное чаяние благодатного преображения, что особенно видно в «Брани Архистратига Михаила со Сатаною» и диалоге «Потоп Зміин».

Философское творчество Сковороды чаще всего предстает в форме схолий к «символическому миру», важнейшая черта которого – его многосоставность, «синтетичность» (это не только Библия, но и античная мифология, восточнославянский фольклор, сентенции античных авторов и пр.). Сковорода последовательно проводит идею «безначальной истины»: «Частицы разбитаго Зеркала Едино все Лице изображают. А Разнообразная Премудрость Божія в различных в Сто-Видных, Тысяще-Личных Ризах в Царских и в Селских, в Древних и Нынешних, в Богатых, в нищих и в самых Подлых и Смешных Одеждах, аки Крын в Терніи, Сама собою Все украшая, является Едина и Тажде». Потребность на деле выявить это тождество приводит Сковороду, как в свое время Филона Александрийского, к аллегоризму в экзегезе. Частная проблема соотношения Ветхого и Нового Завета решается Сковородой вне традиционной префигуральной («прообразовательной») парадигмы, что приводит к разрыву с принципом единства Писания и церковного Предания. Персоналистическая экзегеза «мира символов» Сковороды близка античной аллегорезе гомеровского эпоса, а обращение мыслителя к александрийской школе (Климент, Ориген) как переходному этапу от античной аллегорезы к собственно христианской экзегетике фиксирует движение Сковороды «назад»: к Филону и используемым им методам стоиков, платоников, (позже) неоплатоников.¹⁷

При этом, размышляя над античным идеалом философа, образами ветхозаветных пророков, личностью Христа, Сковорода склонен рассматривать их как исторические модусы «совершенного человека». Наиболее важным в облике «совершенного человека» Сковорода считал *самодостаточность* (αὐτάρκεια, aequitas animi), которая достигается путем «теомимесиса», богоподражания, интерпретируемого в духе идей Сократа, Демокрита, киников, стоиков, эпикурейцев, неоплатоников. У Сковороды эта модель реализуется в виде σῶλη – досуг и одновременно обучение, работа над собой, принципиально свободное философствование, противопоставленное любой общественно регламентированной деятельности. Модель эта предполагает также эвдемонизм, понимание счастья как душевного покоя, следствия свободы от страстей.

¹⁶ См.: Ушкалов Л. В., Марченко О. В. Указ. соч. С. 29–53; *Марченко О. В.* Григорий Сковорода и русская философская мысль XIX–XX вв. Исследования и материалы. Часть I. М., 2007. С. 119–154.

¹⁷ См.: Марченко О. В. Экзегеза у Григория Сковороды: некоторые аспекты изучения // Вестник Харьковского а университета. № 354. Харьков: Основа (ХГУ), 1991. С. 86–96; *Ушкалов Л.* Українське барокове богومислення. Сім етюдів про Григорія Сковороду. Харків, 2001.

Мудрый человек схож с гомеровскими олимпийцами с их «неугасимым смехом», бесстрастностью и блаженной полнотой. Кроме того, мудрец является *гностиком* (в описании очень ценного украинским философом Климентом Александрийского), реализующим себя в практике самопознания (способ постижения Абсолюта), медитации над сакральным текстом, исполнении заповедей и педагогической («сократической») функции воспитания людей в добродетели. Идеальный гностик – смеющийся Христос («Эпикур – Христос»), в понимании которого Сковородою существенно ослаблена сотериологическая функция.

«Верховнейшею наукою» Сковорода признает «богословие», понимаемое как наука о самопознании и достижении человеком счастья (такая интерпретация характерна для украинской барочной литературы – например, у Касяна Саковича, Антония Радивиловского, Дмитрия Ростовского и др.). Однако *γνώσις σεαυτὸν* Сковороды существенно отличается от практики покаянного «истязания совести»: Сковорода инвертирует платоновское познание «эйдосов» вещей, превращая его в самопознание. Таким образом, философская Любовь («вечный союз между богом и человеком»), т. е. сила, причащающая «внешнего», эмпирического человека к его вечной «идее», предстает своеобразной переработкой платоновского учения об Эросе в духе библейской антропологии. «Метафизические свойства платоновской идеи, – вечность, божественность, ноуменальность, красоту и благодать, – Сковорода переносит на неповторимую личность человека, взятую в ее умопостигаемой глубине, и платоническое явление Эроса и философской влюбленности становится для него прежде всего внутренним фактом духовной жизни».¹⁸ Поэтому этика Сковороды не носит нормативного, «безличного» характера, она «автономна», существенно индивидуальна и конкретна. Предмет любви и влечения, к которому стремится душа мудреца, не вне его, как у Платона, а внутри. Так достигается у Сковороды единение платоновского *ερος* с христианской каритативной любовью-*αγάπη* в феномене «мудрого нарциссизма».

В самопознании человек открывает, что сущность его не исчерпывается одной интеллектуалистичной стороной. Существо человека в его сердце, его воле. Отсюда достаточно критическое отношение Сковороды к отвлеченному, уводящему от самопознания и изменения своего бытийного статуса, знанию. «...Мы в посторонних Околичностях чрез-чур любопытны, рачительны и проницательны, измерили Море, Землю, Воздух, Небеса и обеспокоили брюхо Земное ради Металлов, размежевали Планеты, доискались в Луне Гор, Рек и Городов, нашли Закомплетных Миров неисчетное Множество, строим непонятные Машины, засыпаем бездны, воспыааем и привлекаем Стремленія водная, чтоденно новые Опыты и дикія Изображенія. *Боже мой! Чего мы не Умеем! Чего не можем! Но то Горе, что при всем том, кажется, чегось великаго не достаёт*» (С.512). Человек познает не для того, чтобы отвлечено знать, а для того, чтобы истинно быть, возрастать в истине, изменять привычные параметры своего существования навстречу ее божественной полноте.

Серьезно философствующих учеников Григорий Сковорода не имел и школы не создал. Однако личность Сковороды, его идеи и образы – прямо или опосредовано – получили разнообразное отражение в сочинениях позднейших украинских и русских мыслителей и писателей, таких как Василь Капнист, Памфил Юркевич, Василий Нарезный, Николай Гоголь, Лев Толстой, Николай Лесков, Александр Потебня, Пантелеймон Кулиш, Андрей Белый, Владимир Эрн, Павел Флоренский, Павло Тычина, Максим Рыльский, Владимир Нарбут, Анатолий Мариенгоф, Михаил Булгаков, Николай Заболоцкий, Арсений Тарковский, Венедикт Ерофеев и др.¹⁹

¹⁸ Эрн В. Ф. Григорий Саввич Сковорода. С.117.

¹⁹ См. об этом, напр.: Галинская И. Л. Загадки известных книг. М., 1986; Сковорода Григорій. Дослідження, розвідки, матеріали. Зб. наук. прац. К., 1992; Вайсманф М. [Я.] Сюжет Гоголя. [М., 1993]; Hryhorij Savyc Skovoroda. An Antology of Critical Articles. Edmonton-Toronto, 1994; Марченко О. В. Владимир Эрн и его книга о Григории Сковороде // Волшебная Гора. М., 1998. Т. 7; Ушкалов Л. Есеї про українське бароко. К., 2006; Ушкалов Л. Сковорода та інші: Причинки до історії

*О. В. МАРЧЕНКО,
доктор философских наук,
профессор РГГУ (Москва)*

Песни стихи басни

Из «Сада²⁰ Божественных песен»²¹

Песнь 10-я

*Из сего зерна: Блажен муж, который в премудрости умрет и
который в разуме своем поучается святыне
(Сирах).*

Всякому городу нрав и права²²;
Всяка имеет свой ум голова;
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкус каков, —
А мне одна только в свете думá,
А мне одно только нейдет с ума.

Петр для чинов углы панские трет,
Федька-купец при аршине все лжет.
Тот строит дом свой на новый манер,
Тот все в процентах, пожалуй, поверь! —
А мне одна только в свете думá,
А мне одно только нейдет с ума.

Тот непрестанно стягает грунτά,
Сей иностранны заводит скотá.
Те формируют на ловлю собак,
Сих шумит дом от гостей, как кабак, —
А мне одна только в свете думá,
А мне одно только нейдет с ума.

Строит на свой тон юриста права,
С диспут студенту трещит голова.
Тех беспокоит Венерин амур,
Всякому голову мучит свой дур, —
А мне одна только в свете думá,
Как умереть бы мне не без ума.

Смерть страшна, замашная коса!

²⁰ Символический образ сада весьма распространен в европейской литературе и в Средние века, и значительно позднее. Если говорить об украинской, белорусской и русской традициях, следует назвать «Огородок Марии Богородицы» Антония Радивиловского, «Вертоград Многоцветный» Симеона Полоцкого, «Вертоград» Тимофея Каменевича-Рвовского, «Вертоград духовный» Гавриила Домецкого, «Виноград» Стефана Яворского и др.

²¹ Тридцать стихотворений, составивших сборник «Сад божественных песен, прозябший из зерн Священного Писания», были написаны в период с 1753 по 1785 гг. Каждое из этих стихотворений написано особым, ни разу не повторяющимся размером. По отдельности они публиковались в журналах середины XIX века, полностью сборник впервые опубликован в издании 1861 г. В нашем издании печатаются песни 10, 11, 12, 13, 18, 21, 22, 23, 24, 28, 30.

²² ...*Всякому городу нрав и права...* — самое популярное стихотворение Сковороды; уже при жизни автора песня вошла в репертуар кобзарей.

Ты не щадишь и царских волосов.
Ты не глядишь, где мужик, а где царь, —
Все жерешь так, как солому пожар.
Кто ж на ее плюет острую сталь?
Тот, чья совесть, как чистый хрусталь...

Конец

Песнь 11-я

*В конце сего: Бездна бездну призывает, сиречь: В законе господнем
воля его. Дал бы тебе воду живу, воле – волю и бездне твоей бездну мою.*

Нельзя бездны океана горстью персти забросать,
Нельзя огненного стана скудной капле прохлаждать.
Возможет ли в темной яскине гулять орел?
Так, как в поднебесный край вылетев он отсель?
Так не будет сыт плотским дух.

Бездна дух есть в человеке, вод всех ширший и небес.
Не насытишь тем вовеки, что пленяет зрак очес.
Отсюда-то скука внутри скрежет, тоска, печаль,
Отсюда несытость, из капли жар горший встал.
Знай: не будет сыт плотским дух.

О род плотский! Невежды! Доколе ты тяжкосерд?
Возведи сердечны вежды! Взглянь вверх на небесну твердь.
Чему ты не ищешь знать, что то зовется бог?
Чему не толчешь, чтоб увидеть его ты мог?
Бездна бездну удолит вдруг.

Конец

Песнь 12-я

*Из сего зерна: Блаженны нищие духом, т. е.: Премудрость
книжника во благовремени празднества и, умалаясь в одеяниях своих,
упремудрится
(Сирах).*

Упразднитесь и разумеите...

1. Не пойду в город богатый. Я буду на полях жить,
Буду век мой коротати, где тихо время бежит.
О дуброва! О зелена! О мати моя родна!
В тебе жизнь увеселенна, в тебе покой, тишина!

2. Города славны, высоки на море печалей пхнут.

Ворота красны, широки в неволю горьку ведут.
О дуброва! О зелена! и прочее.

3. Не хочу ездить за море, не хочу красных одежд:
Под сими кроется горе, печали, страх и мятеж.
О дуброва! и прочее.

4. Не хочу за барабаном итти пленять городов,
Не хочу и штатским саном пугать мелочных чинов.
О дуброва! и прочее.

5. Не хочу и наук новых, кроме здорового ума,
Кроме умностей Христовых, в коих сладостна думя.
О дуброва! и прочее.

6. Ничего я не желатель, кроме хлеба да воды,
Нищета мне есть приятель — давно мы с нею сваты.
О дуброва! и прочее.

7. Со всех имений телесных покой да воля свята.
Кроме вечностей небесных, одна се мне жизнь свята.
О дуброва! и прочее.

8. А если до сих угодий и грех еще победить,
То не знаю, сей выгоды возможет ли лучше быть.
О дуброва! и прочее.

9. Здравствуй, мой милый покой! Вовеки ты будешь мой.
Добро мне быть с тобою: ты мой век будь, а я твой.
О дуброва! О свобода! В тебе я начал мудреть,
До тебя моя природа, в тебе хочу и умереть.

Конец

Песнь 13-я

Из сего: Изойдите из среды их... Приди, брат мой, водворимся на селе. Там родила тебя мать твоя («Песнь песней»).

Ах поля, поля зелены,
Поля цветами распещрены!
Ах долины, яры,
Круглы могилы, бугры!

Ах вы, вод потоки чисты!
Ах вы, берега трависты!
Ах ваши волоса,

Вы, кудрявые леса!

Жаворонок меж полями,
Соловейко меж садами;
Тот, выпрь летя, сверчит,
А сей на ветвях свистит.
А когда взошла денница,
Свищет в тот час всяка птица,
Музыкою воздух
Растворенный шумит вокруг.

Только солнце выникает,
Пастух овцы выгоняет
И на свою свирель
Выдает дрожливу трель.

Пропадайте, думы трудны,
Города премноголюдны!
А я с хлеба куском
Умру на месте таком.

Конец

Песнь 18-я

Господь гордым противится, смиренным же дает благодать.

Ой ты, птичко желтобоко,
Не клади гнезда высоко!
Клади на зеленой травке,
На молоденькой муравке.
Вот ястреб над головою
Висит, хочет ухватить,
Вашею живет он кровью,
Вот, вот когти он острит!

Стоит явор над горою,
Все кивает головою.
Буйны ветры повевают,
Руки явору ломают.
А вербочки шумят низко,
Волокут меня до сна.
Тут течет поточек близко;
Видно воду аж до дна.

На что ж мне замышляти,
Что в селе родила мати?
Нехай у тех мозок рвется,

Кто высоко в гору дмется,
А я буду себе тихо
Коротати милый век.
Так минет меня все лихо,
Счастлив буду человек.

Конец

Песнь 21-я

*В конец сего: Возвестил мне, его же возлюбила душа моя; где
пасешь, где почиваешь в полудни?*

Счастье, где ты живешь? Горлицы, скажите!
В поле ли овцы пасешь? Голубы, взвестите!
О счастье, наш ясный свет,
О счастье, наш красный цвет!
Ты мать и дом, появися, покажися!

Счастье! Где ты живешь? Мудрые, скажите!
В небе ли ты пиво пьешь? Книжники, взвестите!
О счастье, наш ясный свет,
О счастье, наш красный цвет!
Ты мать и дом, появися, покажися!

Книжники се все молчат, птицы тож все немы,
Не говорят, где есть мать, мы же все не вемы.
О счастье... и прочее.

Счастья нет на земле, счастья нет в небе,
Не заключилось в угле, инде искать тебе.
О счастье... и прочее.

Небо, земля и луна, звезды все – прощайте!
Все вы мне – гавань дурна, впредь не ожидайте.
О счастье... и прочее.

Все я минул небеса, пускай вдаль обрящу,
И преисподняя вся, пускай его срящу
О счастье... и прочее.

Се мой любезный прескор, скачет молодой олень,
Выше небес, выше гор; крын²³ мой – чист, нов, зелен.
О счастье, мой свет ясный!
О счастье, мой цвет красный!
Ты мать и дом, ныне вижу, ныне слышу!

²³ Крын... – лилия.

Сладость его есть гортань, очи голубины,
Весь есть любовь и Харрань²⁴, руки кристаллины.
О счастье... и прочее.

Не прикасайся ко мне, тотчас меня срящешь,
Не обретай меня извне, тотчас обрящешь.
О счастье... и прочее.
Ах! Обрати мне твой взор: он меня воскреляет,
Выше стихий, выше гор он меня оперяет.
О счастье... и прочее.

Сядем себе, брате мой, сядем для беседы.
Сладок твой глагол живой, чистит мне все беды.
О счастье, мой свет ясный!
О счастье, мой цвет красный!
Ты мать и дом, днесь тебя вижу, днесь тебя слышу.

В полдень ты спишь на горах, стадо пасешь в крынах,
Не в Гергесенских полях и не в их долинах.
О счастье... и прочее.

Конец

Песнь 22-я

*Помни последнее твое, и не согрешишь (Сирах). Есть путь,
мнящийся быть прав, последнее же его – ад
(Притчи).*

Распрости вдаль взор твой и разумны лучи,
И конец последний поминай.
Всех твоих дел в какую меть стрела улучит,
Наблюдая всех желаний край,
На каких вещах основал ты дом?
Если камень, то дом соблюдет,
Если ж на песке твоих стать хором,
От лица земли вихрь разметет.

Всяка плоть песок есть и мирска вся слава,
И его вся омерзееет сласть.
Возлюби путь узкий, бегай обща нрава;
Будь твоя, Господь, с Давидом часть²⁵,
Если нужно вернуться в Сион²⁶,

²⁴ Харрань... – город в Месопотамии упоминаемый в Ветхом Завете.

²⁵ «Часть моя ты, Господи...» «Боже сердца моего и часть моя, Боже, вовеки» (Здесь и далее по тексту примеч. Г. Сковороды).

²⁶ Сион – слово еврейское. Значит то же, что по-эллински – πύργος οχυρός, рим. – spesula. Так назывался Иерусалимский

То зачем тебе в мир снисхождать?
Путь опасен есть во Иерихон²⁷,
Живи в граде, он всех нас мать.

Если ж пустился ты в сию дорогу,
Бог скорее путь да преградит,
Ибо знаешь, что снийшовши в бездну многу,
То ум в бездне зол наш не радит.
О ты, кто все дух тот же есть
И число твоих не скудеет лет,
Ты, разбойничьи в нас духи смеси!
Пусть твоя сокрушит буря сеть!

Конец

Песнь 23-я

*Из сего: Исчезли в суете дни... Покупая время... Упраздните и
уразумеите.*

О дражайше жизни время,
Коль тебя мы не щадим!
Коль так, как излишне бремя,
Всюду мечем, не глядим!
Будто прожитый час возвратится назад,
Будто реки до своих повернутся ключей,
Будто в наших руках лет до прибавки взять,
Будто наш из бесчисленных составленный век дней.

Для чего ж мы жить желаем
Лет на свете восемьсот,
Ежели мы их теряем
На всяких безделиц род?
Лучше час честно жить, чем скверно целый день.
Лучше один день свят от безбожного года,
Лучше один год чист, чем десяток сквернен,
Лучше в пользе десять лет, чем весь век без плода.

Брось, любезный друг, безделья,
Пресечи толикий вред,
Сей момент примись за дело:
Вот, вот, время уплывет!
Не наше то уже, что прошло мимо нас,

замок; по-славянски – зор, стража, горница.

²⁷ *Иерихон* – город, есть образ суетного мира сего и лестного. Он широкий, сиречь роскошным путем водит юных в разбойники, то есть в челюсти змиины и гидрины, в смертные грехи. Quatenam Maxima peccatoribus poena? Ipsum peccatum. – Ничто не есть злее греха и жала, ибо его ничто же ни в сем, ни в оном веке мучительнее. «Жало смерти – грех». «Грехопадение, кто разумет? Блажен тот один, кто разумет». «Блажен муж, который на пути грешных не стоит». «Открой очи мои...»

Не наше то, что породит будуща пора,
Днешний день только наш, а не утренний час.
Не знаем, что принесет вечерняя заря,

Если ж не умеешь жить,
Так учись фигуре сей!
Ах, не может всяк вместить
Разум хитрости твоей.
Знаю, что наша жизнь полна суетных врак,
Знаю, что преглупая тварь в свете человек,
Знаю, что чем живет, тем горший он дурак,
Знаю, что слеп тот, кто закладает себе век.

Конец

Rogatus quidam philosophus: quid esset praetiosissimum? Respondit: tempus²⁸.

Песнь 24-я

Римского пророка Горация²⁹, претолкована малороссийским диалектом в 1765 году. Она начинается так: *Oñam diuos rogat in patenti...*³⁰ и пр. Содержит же благое наставление к спокойной жизни.

О покой наш небесный! Где ты скрылся с наших глаз?
Ты нам обще всем любезный, в разный путь разбил ты нас.

За тобою-то ветрила простирают в кораблях,
Чтоб могли тебя те крылья во чужих сыскать странах.

За тобою маршируют, разоряют города,
Целый век бомбардируют, но достанут ли когда?

Кажется, живут печали во великих больш домах;
Больш спокоен домик малый, если в нужных сыт вещах.

Ах ничем мы не довольны – се источник всех скорбей!
Разных ум затеев полный – вот источник мятежей!

Поудержмо дух несытый! Полно мучить краткий век!
Что ль нам даст край знаменитый? Будешь тоже человек.

Ведь печаль везде летает по земле и по воде,
Сой бес молний всех быстрее может нас сыскать везде.

Будем тем, что бог дал, рады, разобьем мы скорбь шутя,

²⁸ Некий философ, которого спросили, что он считает самым ценным, ответил: «время» (лат.).

²⁹ Любимый Сковородою великий римский поэт Квинт Гораций Флакк (65-8 до н. э.), см. Оды, II, 16, 1.

³⁰ «Покоя просит у богов в открытом... [море]» (лат.).

Полно нас червям съедати, ведь есть чаша всем людям.

Славны, например, герои, но побиты на полях.
Долго кто живет в покое, страждет в старых тот летах.

Вас бог одарил грунтами, но вдруг может то пропасть,
А мой жребий с голяками, но бог мудрости дал часть.

Конец

Nihil est ab omni parte beatum³¹.

Песнь 28-я

О тайном внутри и вечном веселье боголюбивых сердец. Из сих зерн:
Веселье сердца – жизнь человеку, и радование мужа – долгоденствие. Кто же погубит душу свою меня ради, тот спасет ее. Что пользы человеку, если приобретает мир весь, лишится же души своей?

Возлети на небеса, хоть в версальские леса³²,
Вздень одежду золотую,
Вздень и шапку хоть царскую;
Когда ты невесел, то все ты нищ и гол;

Завоюй земной весь шар, будь народам многим царь,
Что тебе то помогает,
Если внутрь душа рыдает?
Когда ты невесел, то все ты подл и гол.

Брось, пожалуй, думать мне, сколько жителей в луне!
Брось Коперниковски сферы³³
Глянь в сердечные пещеры!
В душе твоей глагол, вот будешь с ним весел!

Бог есть лучший астроном, он наилучший эконоом.
Мать блаженная натура³⁴
Не творит ничто же сдура.
Нужнейшее тебе найдешь то сам в себе.

Глянь, пожалуй, внутрь тебя: сыщешь друга внутрь себя,
Сыщешь там вторую волю,

³¹ «Нет ничего счастливого во всех отношениях» (лат.).

³² Версалия (Versailles) именуется французского царя Эдем, сиречь рай, или сладостный сад, неизреченных светских утех исполнен.

³³ Коперник есть новейший астроном. Ныне его систему, т. е. план, или типик, небесных кругов весь мир принял. Родился над Вислою, в польском городе Торуне. Систему свою издал в [1543 г.]. Сфера есть слово эллинское, по-славянски: круг, клуб, мяч, глобус, гиля, шар, круг луны, круг солнца.

³⁴ Блаженная натура есть имя Господа Вседержителя.

Сыщешь в злой блаженну долю:
В тюрьме твоей там свет, в грязи твоей там цвет.

Правду Августин певал³⁵: ада нет и не бывал³⁶,
Воля – ад, твоя проклята,
Воля наша – печь нам ада.
Зарежь ту волю, друг, то ада нет, ни мук.

Воля! О насытый ад! Все тебе ядь, всем ты яд.
День, ночь челюстями зеваешь,
Всех без взгляда поглощаешь;
Убей ту душу, брат, так упразднишь весь ад.

Боже! О живой глагол! Кто есть без тебя весел?
Ты един всем жизнь и радость,
Ты един всем рай и сладость!
Убий злу волю в нас, да твой владеет глас!

Дай пренужный дар нам сей; славим Тя, царя царей.
Тя поет и вся Вселенна,
В сем законе сотворенна,
Что нужность не трудна, что трудность не нужна³⁷.

Конец

Pro memoria, или припоминание.

Самое сущее Августиново слово есть сие: *Tolle voluntatem propriam et tolletur infernus* – истреби волю собственную, и истребится ад.

Как в зерне мамрийский дуб, так в горчичном его слове скрылась вся высота богословской пирамиды и как бездна жерлом своим пожрала весь Иордан богомудрия. Человеческая воля и Божья суть двое ворот – адовы и небесные. Обретший среди моря своей воли Божью волю обретет кифу, сиречь гавань оную: «На сем камне утвержу всю церковь мою». «Таится сие им, как небеса» и проч. «И земля (се она обетованная! Смотри, человек) посреди воды...» Если кто преобразил волю в волю Божию, воспевая сие: «Исчезнет сердце мое» и проч. Сему сам Бог есть сердцем. Воля, сердце, любовь, Бог, дух, рай, гавань, блаженство, вечность есть то же. Сей не обуреается, имея сердце оное: «Его же волею все управляются». Августиново слово дышит сим: «Раздерите сердца ваши». «Возьмите иго мое на себя». «Умертвите члены ваши». «Не того хотите... сие творите». «Не есть наше против крови и плоти». «Враги человеку домашние его». «На аспида и василиска наступишь». «Тот сотрет твою главу...» и проч.

Песнь 30-я

Из сего древнего стиха:

³⁵ *Аврелий Августин* (354–430) – крупнейший представитель латинской патристики, один из любимых мыслителей Сковороды

³⁶ Ад слово эллинское значит темница, место преисподнее, лишненное света, веселья и дражайшего золота – свободы. Адский узник есть зеркало пленников мучительной своей воли, и сия лютая фурия непрерывно вечно их мучит.

³⁷ Мысль древнегреческого мыслителя Эпикура (341–270 до н. э.), которую часто повторял Сковорода.

Τῆς ὥρας ἀπόλαυε ταχύ γὰρ πάντα γηράσκει:
Ἐν θέρος ἔξ ἐρίφου τραχὺν ἔθηκε τράγον.

Сиречь:

Наслаждайся дней твоих, все бо в мале стареет:
В одно лето из козленка стал косматых! цап.

Осень нам проходит, а весна прошла,
Мать козленка родит, как весна пришла.
Едва лето запало, а козля цапом стало,
Цап бородатый.
Ах, отвергнем печали! Ах, век наш краткий, малый!
Будь сладкая жизнь!

Кто грусть во утробе носит завсегда,
Тот лежит во гробе, не жил никогда.
Ах, утеха и радость! О сердечная сладость!
Прямая ты жизнь.
Не красна долготою, но красна добротою,
Как песнь, так и жизнь.

Жив бог милосердый, я его люблю.
Он мне камень твердый; сладко грусть терплю.
Он жив, не умирая, живет же с ним живая
Моя и душа.
А кому он не служит, пускай тот бедный тужит
Прямой сирота.

Хочешь ли жить в сласти? Не завидь нигде.
Будь сыт малой части, не убойся везде.
Плюнь на гробные прахи и на детские страхи;
Покой – смерть, не вред.
Так жывал афинейский, так жывал и еврейский
Эпикур – Христос.

Конец

Сложена во время открытия Харьковського наместничества, когда я скитался в монастыре
Сеннянском.

Григорий Варсава Сковорода.

Стихотворения

De Libertate³⁸

Что то за вольность? Добро в ней какое?
Ины говорят, будто золотое.
Ах, не златое, если сравнить злато,
Против вольности еще оно бласто.
О, когда бы же мне в дурни не пошиться,
Дабы вольности не мог лишиться.
Будь славен вовек, о муже избрание,
Вольности отче, герою Богдане!³⁹

Quid est virtus?⁴⁰

Трудно покорить гнев и прочие страсти,
Трудно не отдать себя в плотские сласти,
Трудно от всех и туне снести укоризну,
Трудно оставить свою за Христа отчизну,
Трудно взять от земли ум на горы небесны,
Трудно не потопиться в мира сего бездне.
Кто может победить всю сию злобу древню,
Се царь – властитель крепок чрез силу душевну.

Разговор о премудрости⁴¹

Мудрость и человек

Человек.

Любезная сестра иль как тебя назвать?
Доброты⁴² всякой ты и стройности ты мать.
Скажи мне имя ты, скажи свое сама;
Ведь всяка без тебя дурна у нас дума.

Мудрость.

³⁸ Стихотворение «О свободе» написано в 1757–1758 гг., опубликовано в издании 1894 г.

³⁹ Имеется в виду гетман Богдан Хмельницкий (1595–1657).

⁴⁰ Стихотворение «Что такое добродетель?» написано в конце 1750-х гг.

⁴¹ Стихотворение написано скорее всего в 1758 – первой половине 1759 гг., в с. Каврай.

⁴² *Доброты* – здесь это слово означает красоту, добротность, ладность (от греч. Αριτή).

У греков звалась я София⁴³ в древний век,
А мудростью зовет всяк русский человек,
Но римлянин меня Минервою⁴⁴ назвал,
А христианин добр Христом мне имя дал.

Человек.

Скажи, живешь ли ты и в хинских⁴⁵ сторонах?

Мудрость.

Уже мне имя там в других стоит словах.

Человек.

Так ты и в варварских ведь сторонах живешь?

Мудрость.

Куда ты мне, друг мой, нелепую поешь?
Ведь без меня, друг мой, одной черте не быть?
И как же мне, скажи, меж хинцами не жить,
Где ночь и день живет, где лето и весна,
Я правлю это все с моим отцом одна.

Человек.

Скажи ж, кто твой отец? Не гневайся на глупца.

Мудрость.

Познай вперед меня, познаешь и отца.

Человек.

А с хинцами ты как обходишься, открой?

Мудрость.

Так точно, как и здесь: смотрю, кто мой, тот мой.

Человек.

Там только ведь одни погибшие живут?

⁴³ София – Мудрость.

⁴⁴ Минерва – дочь Юпитера в римской мифологии, аналог греческой богини мудрости Афины.

⁴⁵ Хинские, хинцы – китайские, китайцы.

Мудрость.

Сестра вам это лжет так точно, как и тут.

Человек.

А разве ж есть сестра твоя?

Мудрость. Да, у меня.

Сестра моя родна, точно ночь у дня.

Человек.

И лжет она всегда, хотя одной родни?

Мудрость.

Ведь одного отца, но дети не одни.

Человек.

Зовут же как?

Мудрость.

Ей сто имен. Она,
Однак, у россиян есть бестолковщина⁴⁶.

Человек.

С рогами ли она?

Мудрость.

Дурак!

Человек.

Иль с бородой? Иль в клобуке?

Мудрость.

Ты врешь! Она войдет и в твой
Состав, если хотишь. Ах ты! Исчезни прочь!

⁴⁶ *Бестолковщина* – в своем переводе «De senectute» Цицерона Сковорода передал этим словом латинское *insipientia* – неразумность, глупость.

Ведь я возле тебя, как возле света ночь.

[Человек].

Исчезни лучше ты! Беги с моих прочь глаз!
Ведь глупа ты сама, если в обман далась.
Чего здесь не слышать нигде, ты все врешь
И, подлинно сказать, нелепую поешь.
Родился здесь народ и воспитан не так,
Чтоб диких мог твоих охотно слушать врач.
Чуть разве сыщется один или другой,
Чтоб мог понравиться сей дикий замысл твой.

Басни Харьковские⁴⁷

Любезный приятель⁴⁸!

В седьмом десятке нынешнего века, отстав от учительской должности и уединяясь в лежащих около Харькова лесах, полях, садах, селах, деревнях и пчельниках, обучал я себя добродетели и поучался в Библии; притом, благопристойными игрушками забавляясь, написал полтора десятка басен, не имея с тобою знакомства. А сего года в селе Бабаях умножил оные до половины. Между тем, как писал прибавочные, казалось, будто ты всегда присутствуешь, одобряя мои мысли и вместе о них со мною причащаясь. Дарю ж тебе три десятка басен, тебе и подобным тебе.

Отеческое наказание заключает в горести своей сладость, а мудрая игрушка утаивает в себе силу.

Глупую важность встречают по виду, выпроваживают по смеху, а разумную шутку важный печатлеет конец. Нет смешнее, как умный вид с пустыми потрохами, и нет веселее, как смешное лицо с утаенною дельностью. Вспомните пословицу: «Красна хата не углами, но пирогами».

Я и сам не люблю превратной маски тех людей и дел, о которых можно сказать малороссийскую пословицу: «Стучит, шумит, гремит... А что там? Кобылья мертвая голова бежит». Говорят и великоросийцы: «Летала высоко, а села недалеко» – о тех, что богато и красно говорят, а нечего слушать. Не любя мне сия пустая надменность и пышная пустошь, а люблю то, что сверху ничто, но в середине что-то, снаружи ложь, но внутри истина. Такова речь, и человек назывался у эллинов *οἰληνός*, картинка, сверху смешная, но внутри благолепная⁴⁹.

Друг мой! Не презирай баснословия! Басня и притча есть то же. Не по кошельку суди сокровище, праведен суд суди. Басня тогда бывает скверная и бабья, когда в подлой и смешной своей шелухе не заключает зерно истины, похожа на орех пустой. От таких-то басен отводит Павел своего Тимофея (I к Тимофею, гл. 4, ст. 7). И Петр не просто отвергает басни, но басни ухищренные, кроме украшенной наличности, силы Христовой не имущие. Иногда во вретисе дражайший кроется камень. Пожалуй, разжуй сии Павловские слова: «Не внимая иудейским басням, ни заповедям людей, отвращающих от истины». Как обряд есть без силы божьей – пустошь, так и басня, но без истины. Если ж с истиною, кто дерзнет назвать лживою? «Все ибо чистое чистым, оскверненным же и неверным ничто же чисто, но осквернися их ум и совесть» (К Титу, I). Сим больным, лишенным страха Божия, а с ним и доброго вкуса, всякая пища кажется гнусною. Не пища гнусна, но осквернися их ум и совесть.

Сей забавный и фигурный род писаний был домашний самым лучшим древним любомудрцам. Лавр и зимою зелен. Так мудрые и в игрушках умны и во лжи истинны. Истина острому их взору не издали болванела так, как подлым умам, но ясно, как в зеркале, представлялась, а они, увидев живо живой ее образ, уподобили оную различным тленным фигурам.

Ни одни краски не изъясняют розу, лилию, нарцисс столь живо, сколь благолепно у них образуется невидимая Божия истина, тень небесных и земных образов. Отсюда родились *hieroglyphica, emblemaata, syrabola*, таинства, притчи, басни, подобию, пословицы... И не дивно, что Сократ, когда ему внутренний ангел-предводитель во всех его делах велел писать стихи⁵⁰,

⁴⁷ Басни были написаны в 1769 и начале 1770-х гг. Впервые опубликованы отдельным изданием: Сковорода Г. С. Басни Харьковскія. – Москва: Издание Московского попечительного комитета «Человеколюбивого общества», 1837.

⁴⁸ *Любезный приятель!*.. – письмо обращено А. Ф. Панкову.

⁴⁹ *Картинка, сверху смешная...* – В диалоге Платона «Пир» Сократ сравнивается с силеном (сатиром) – мифологическим существом безобразной или смешной внешности; теракотовые фигурки силенов часто служили грекам «шкатулками» для хранения драгоценностей или изваяний богов.

⁵⁰ *Велел писать стихи* – об этом рассказывается в диалоге Платона «Федон».

тогда избрал Эзоповы басни⁵¹. И как самая хитрейшая картина неученым очам кажется враками, так и здесь делается.

Само солнце всех планет и царица Библия их тайнообразующих фигур, притчей и подобию богозданна. Вся она вылеплена из глинки и называется у Павла буйством. Но в сию глинку вдохнен дух жизни, а в сем буйстве кроется мудрое всего смертного. Изобразить, приточить, уподобить значит то же.

Прими ж, любезный приятель, дружеским сердцем сию небезвкусную от твоего друга мыслей его воду. Не мои сии мысли и не я оные вымыслил: истина безначальна. Но люблю – тем мои, люби – и будут твои. Знаю, что твой телесный болван далеко разнится от моего чучела, но два разноликие сосуда одним да наполняются ликером, да будет едина душа и едино сердце. Сия-то есть истинная дружба, мыслей единство. Все не наше, все погибнет и сами болваны наши. Одни только мысли наши всегда с нами, одна только истина вечна, а мы в ней, как яблоня в своем зерне, скроемся.

Питаем же дружбу. Прими и кушай с Петром четвероногих зверей, гадов и птиц. Бог тебя да благословляет! С ним не вредит и самый яд языческий. Они не что суть, как образы, прикрывающие, как полотном, истину. Кушай, пока вкусишь с Богом лучшее.

Любезный приятель! Твой верный слуга, любитель священной

Библии Григорий Сковорода.

1744 г., в селе Бабаях, накануне 50-тницы.

Басня 1

Собаки

В селе у хозяина жили две собаки. Случилось мимо ворот проезжать незнакомцу. Одна из них, выскочив и полаяв, поколь он с виду ушел, воротилась на двор.

– Что тебе из сего прибыло? – спросила другая.

– По крайней мере не столь скучно, – отвечала она.

– Ведь не все ж, – сказала разумная, – проезжие таковы, чтоб их почитать за неприятелей нашего хозяина, а то бы я и сама должности своей не оставила, несмотря на то, что с прошедшей ночи нога моя волчьими зубами повреждена. Собакою быть дело не худое, но без причины лаять на всякого дурно.

Сила⁵². Разумный человек знает, что осуждать, а безумный болтает без разбору.

Басня 2

Ворона и Чиж

Неподалеку от озера, в котором видны были жабы, Чиж, сидя на ветке, пел. Ворона в близости тоже себе квакала, и, видя, что Чиж петь не перестает:

– Чего ты сюда же дмешься, жаба?

– А отчего ты меня жабою зовешь? – спросил Чиж Ворону.

– Оттого, что ты точно такой зеленый, как вон та жаба.

А Чиж сказал: – О, ежели я жаба, тогда ты точная лягушка по внутреннему твоему орудию, которым пение весьма им подобное отправляешь.

Сила. Сердце и нравы человеческие, кто он таков, свидетельствовать должны, а не внешние качества. Дерево из плодов познается.

⁵¹ Эзоп (VII–VI вв. до н. э.) – знаменитый древнегреческий баснописец, сюжеты басен которого разрабатывались многими позднейшими баснописцами, в том числе и Сковородой.

⁵² Сила – то же, что и «мораль сей басни».

Басня 3

Жаворонки

Еще в древние века, в самое то время, как у орлов черепахи летать учились, молодой Жаворонок сидел недалеко того места, где одна из помянутых черепах, по сказке мудрого Эзопа, летанье свое благополучно на камне окончила с великим шумом и треском. Молодчик, испугавшись, пробрался с трепетом к своему отцу:

– Батюшка! Конечно, возле той горы сел орел, о котором ты мне когда-то говорил, что она птица всех страшнее и сильнее...

– А по чему ты догадываешься, сынок? – спросил старик.

– Батюшка! Как он садился, я такой быстроты, шуму и грому никогда не видывал.

– Мой любезнейший сынок! – сказал старик. – Твой молоденький умок... Знай, друг мой, и всегда себе сию песенку пой:

Не тот орел, что высоко летает,
Но тот, что легко седает...

Сила. Многие без природы изрядные дела зачинают, но худо кончат. Доброе намерение и конец всякому делу есть печать.

Басня 4

Голова и Туловище

Туловище, одетое в великолепное и обширное с дорогими уборами одеяние, величалось перед Головою и упрекало ее тем, что на нее и десятая доля не исходит в сравнении с его великолепием...

– Слушай, ты дурак! Если может поместиться ум в твоём брюхе, то рассуждай, что сие делается не по большому твоему достоинству, но потому, что нельзя тебе столь малым обойтись, как мне, – сказала Голова.

Фабулка сия для тех, которые честь свою на одном великолепии основали.

Басня 5

Чиж и Щегол

Чиж, вылетев на волю, слетелся с давним своим товарищем Щеглом, который его спросил:

– Как ты, друг мой, освободился?.. Расскажи мне!

– Чудным случаем, – отвечал пленник. – Богатый турок приехал с посланником в наш город и, прохаживаясь из любопытства по рынку, зашел в наш птичий ряд, в котором нас около четырехсот у одного хозяина висело в клетках. Турок долго на нас, как мы один перед другим пели, смотрел с сожалением, наконец:

– А сколько просишь денег за всех? – спросил нашего хозяина.

– 25 рублей, – отвечал он.

Турок, не говоря ни слова, выкинул деньги и велел себе подавать по одной клетке, из которых, каждого из нас на волю выпуская, утешался, смотря в разные стороны, куда мы разлетались.

– А что же тебя, – спросил товарищ, – заманило в неволю?

– Сладкая пища да красная клетка, – отвечал счастливец. – А теперь, пока умру, буду благодарить Бога следующей песенкою:

Лучше мне сухарь с водою,
Нежели сахар с бедою.

Сила. Кто не любит хлопот, должен научиться просто и убого жить.

Басня 6

Колеса часов

Колесо часовой машины спросило у Другого:

– Скажи мне, для чего ты качаешься не по нашей склонности, но в противную сторону?

– Меня, – отвечало Другое, – так сделал мой мастер, я сим вам не только не мешаю, но еще вспомоществую тому, дабы наши часы ходили по рассуждению солнечного круга.

Сила. По разным природным склонностям и путь жития разный. Однако всем один конец – честность, мир и любовь.

Басня 7

Орел и Сорока

Сорока Орлу говорила:

– Скажи мне, как тебе не наскучит непрестанно вихрем крутиться на пространных высотах небесных и то в гору, то вниз, будто по винтовой лестнице шататься?..

– Я бы никогда на землю не опустил, – отвечал Орел, – если б телесная нужда к тому меня не приводила.

– А я никогда бы не отлетывала от города, – сказала Сорока, – если бы Орлом была.

– И я то же бы делал, – говорил Орел, – если бы был Сорокою.

Сила. Кто родился для того, чтоб вечною забавляться, тому приятнее жить в полях, рощах и садах, нежели в городах.

Басня 8

Голова и Туловище

– Чем бы ты жива была, – спросило Туловище Голову, – если бы от меня жизненных соков по частям в себя не вытягивала?

– Сие есть самая правда, – отвечала Голова, – но в награждение того мое око тебе светом, а я вспомоществую советом.

Сила. Народ должен обладателям своим служить и кормить.

Басня 9

Муравей и Свинья

Свинья с Муравьем спорили, кто из них двоих богаче. А Вол был свидетелем правости и побочным судьей.

– А много ли у тебя хлебного зерна? – спросила с гордою улыбкою Свинья. – Прошу объявить, почтенный господин...

– У меня полнехонька горсть самого чистого зерна.

Сказал как только Муравей, вдруг захохотали Свинья и Вол со всей мочи.

– Так вот же нам будет судьей господин Вол, – говорила Свинья. – Он 20 лет с лишком отправлял с великою славою судейскую должность, и можно сказать, что он между всею своею братиею искуснейший юрист и самый острый арифметик и алгебрик. Его благородие может нам спор легко решить. Да он же и в латынских диспутах весьма, кажется, зол.

Вол после сих слов, мудрым зверьком сказанных, тотчас скинул на счета и при помощи арифметического умножения следующее сделал определение:

– Понеже бедный Муравей только одну горсть зерна имеет, как сам признался в том добровольно, да и, кроме зерна, ничего больше не употребляет, а, напротив того, у госпожи Свиныи имеется целая кадь, содержащая горстей 300 с третью, того ради по всем правам здравого рассуждения...

– Не то вы считали, господин Вол, – прервал его речь Муравей. – Наденьте очки да расход против приходу скиньте на счета...

Дело зашло в спор и перенесено в высший суд.

Сила. Не малое то, что в обиходе довольное, а довольство и богатство есть то же.

Басня 10

Две Курицы

Случилось Дикой курице залететь к Домашней.

– Как ты, сестрица, в лесах живешь? – спросила Домовая.

– Так слово в слово, как и прочие птицы лесные, – отвечала Дикая. – Тот же Бог и меня питает, который диких кормит голубей стадо...

– Так они же и летать могут хорошо, – промолвила хозяйка.

– Это правда, – сказала Дикая, – и я по тому ж воздуху летаю и довольна крыльями, от Бога мне данными...

– Вот этому-то я, сестрица, не могу верить, – говорила Домоседка, – оттого, что я насилу могу перелететь вон к этому сараю.

– Не спорю, – говорит Дичина, – да притом же то извольте, голубушка моя, рассуждать, что вы с малых лет как только родились, изволите по двору навозы разгребать, а я мое летанье ежедневным опытом твердить принуждена.

Сила. Многие, что сами сделать не в силах, в том прочим верить не могут. Бесчисленные негою отучены путешествовать. Сие дает знать, что как практика без сродности есть бездельная, так сродность трудолюбием утверждается. Что пользы знать, каким образом делается дело, если ты к тому не привык? Узнать не трудно, а трудно привыкнуть. Наука и привычка есть то же. Она не в знании живет, но в делании. Ведение без дела есть мученье, а дело – без природы. Вот чем разнится scientia et doctrina (знание и наука).

Басня 11

Ветер и Философ

– О, чтоб тебя черт взял, проклятый!..

– За что ты меня бранишь, господин Философ? – спросил Ветер.

– За то, – отвечает Мудрец, – что как только я отворил окно, чтобы выбросить вон чеснокову шелуху, ты как дунул проклятым твоим вихрем, так все назад по целому столу и по всей горнице разбросал, да еще притом остальную рюмку с вином, опрокинувши, расшиб, не вспоминая то, что, раздувши из бумажки табак, все блюдо с кушаньем, которое я после трудов собрался было покушать, совсем засорил...

– Да знаешь ли, – говорит Ветер, – кто я таков?

– Чтоб я тебя не разумел? – вскричал Физик. – Пускай о тебе мужички рассуждают. А я после небесных планет тебя моего внятия не устаиваю. Ты одна пустая тень...

– А если я, – говорит Ветер, – тень, так есть при мне и тело. И правда, что я тень, а невидимая во мне Божья сила есть точно тело. И как же мне не веять, если меня всеобщий наш Создатель и невидимое все содержащее существо движет.

– Знаю, – сказал Философ, – что в тебе есть существо неповинное постольку, поскольку ты Ветер...

– И я знаю, – говорил Дух, – что в тебе столько есть Разума, сколько в тех двух мужиках, из которых один, нагнувшись, поздравил меня заднею бесчестною частью, задравши платье, за то, что я раздувал пшеницу, как он ее чистил, а другой такой же комплимент сделал в то время, как я ему не давал вывершить копну сена, и ты у них достоин быть головою.

Сила. Кто на погоды или на урожай сердится, тот против самого Бога, всестроящего, гордится.

Басня 12 Оселка и Нож

Нож беседовал с Оселкою.

– Конечно, ты нас, сестрица, не любишь, что не хочешь в стать нашу вступить и быть ножом...

– Ежели бы я острить не годилась, – сказала Оселка, – не отреклась бы вашему совету последовать и состоянию. А теперь тем-то самым вас люблю, что не хочу быть вами. И конечно, став ножом, никогда столько одна не перережу, сколько все те ножи и мечи, которые во всю жизнь мою переостру; а в сие время на Оселки очень скудно.

Сила. Родятся и такие, что воинской службы и женитьбы не хотят, дабы других свободнее поощрять к разумной честности, без которой всяка стать недействительна.

Басня 13 Орел и Черепаха

На склоненном над водой дубе сидел Орел, а в близости Черепаха своей братии проповедовала следующее:

– Пропадай оно летать... Покойная наша прабаба, дай Бог ей царство небесное, навеки пропала, как видно из Историй, за то, что сей проклятой науке начала было у Орла обучаться. Сам сатана оную выдумал...

– Слушай, ты, дура! – прервал ее проповедь Орел. – Не через то погибла премудрая твоя прабаба, что летала, но через то, что принялась за оное не по природе. А летанье всегда не хуже ползанья.

Сила. Славолюбие да сластолюбие многих поволокло в стать, совсем природе их противную. Но тем им вреднее бывает, чем стать изряднее, и весьма немногих мать родила, например, к философии, к ангельскому житию.

Басня 14 Сова и Дрозд

Как только Сову усмотрели птицы, начали взапуски щипать.

– Не досадно ли вам, сударыня, – спросил Дроздик, – что без всякой вашей виновности нападают? И не дивно ли это?

– Нимало не дивно, – отвечала она. – Они и между собою то же самое всегда делают. А что касается досады, она мне сносна тем, что хотя меня Сороки с Вороными и Траками щиплют, однако Орел с Пугачом не трогают, притом и афинские граждане имеют меня в почтении.

Сила. Лучше у одного разумного и добродушного быть в любви и почтении, нежели у тысячи дураков.

Басня 15 Змея и Буфон

Как Змея весною скинула линовище, Буфон, ее усмотрев:

– Куда вы, сударыня, – сказал с удивлением, – отмолодели! Что сему причиною? Прошу сообщить.

– Я вам с охотою сообщу мой совет, – Змея говорит. – Ступайте за мною!

И повела Буфона к той тесной скважине, сквозь которую она, с великою трудностью продравшись, всю старинную ветошь из себя стащила.

– Вот, господин Буфон, извольте пролезать сквозь узкий сей проход. А как только пролезете, тот же час обновитесь, оставив всю негодность по другую сторону.

– Да разве ты меня тут хочешь задушить? – вскричал Буфон. – А хотя мне сюда удастся проташиться, тогда с меня последнюю кожу сдерет...

– Прошу ж не погневаться, – сказала Змея, – кроме сего пути нельзя вам туда дойти, где мне быть удалось.

Сила. Чем лучше добро, тем большим трудом окопалось, как рвом. Кто труда не перейдет, и к добру тот не придет.

Басня 16 Жабы

Как высохло озеро, так Жабы поскакали искать для себя новое жилище. Наконец все вскричали:

– Ах, сколь изобильно озеро! Оно будет нам вечным жилищем.

И вдруг плюснули в оное.

– А я, – сказала из них одна, – жить намерила в одном из наполняющих ваше озеро источнике. Вижу издали приосененный холм, многие сюда поточки посылающий, там надеюсь найти для себя добрый источник.

– А для чего так, тетушка? – спросила молодка.

– А для того так, голубка моя, что поточки могут отвестись в иную сторону, а ваше озеро может по-прежнему высохнуть. Родник для меня всегда надежнее лужи.

Сила. Всякое изобилие оскудеть и высохнуть, как озеро, может, а честное ремесло есть неоскудевающий родник не изобильного, но безопасного пропитания. Сколь многое множество богачей всякий день преобразуется в нищих! В сем кораблекрушении единственною гаванью есть ремесло. Самые беднейшие рабы рождаются из предков, жительствовавших в луже великих доходов. И не напрасно Платон⁵³сказал: «Все короли из рабов, и все рабы отраживаются из королев». Сие бывает тогда, когда владыка всему – время – уничтожает изобилие. Да знаем же, что всех наук глава, око и душа есть – научиться жизнь жить порядочную, основанную на законе веры и страха Божьего, как на главнейшем пункте. Сей пункт есть основание и родник, рождающий ручейки гражданских законов. Но есть глава угла для зиждущих благо-

⁵³ Платон – величайший древнегреческий философ (427–347 до н. э.), один из любимейших мыслителей Сковороды.

словенное жительство, и сего камня твердость содержит все должности и науки в пользу, а сие общество в благоденствии.

Басня 17

Два ценных камушка: Алмаз и Смарагд

Высоких качеств Смарагд, находясь при королевском дворе в славе, пишет к своему другу Адамантию следующее:

– Любезный друг!

Жалею, что не радишь о своей чести и погребен в пепле живешь. Твои дарования мне известны. Они достойны честного и видного места, а теперь ты подобен светящему свечнику, под спудом сокровенному. К чему наше сияние, если оно не приносит удивления и веселья народному взору? Сего тебе желая, пребуду – друг твой Смарагд.

– Дражайший друг! – отвечает Алмаз. – Наше с видного места сияние питает народную пустославу. Да взирают на блестящие небеса, не на нас. Мы слабый небес список. А цена наша, или честь, всегда при нас и внутри нас. Грановщики не дают нам, а открывают в нас оную. Она видным местом и людскою хвалою не умножается, а презрением, забвением и хулою не уменьшится. В сих мыслях пребуду – друг твой Адамантий.

Сила. Цена и честь есть то же. Сей, кто не имеет внутри себя, приемля лживое свидетельство снаружи, тот надевает вид ложного алмаза и воровской монеты. Превратно в народе говорят так: «Сделали Абрама честным человеком». А должно было говорить так: «Засвидетельствовано перед народом о чести Абрама». Просвещение или вера Божия, милосердие, великодушие, справедливость, постоянность, целомудрие... Вот цена наша и честь! Старинная пословица: «Глупый ищет места, а разумного и в углу видно».

Басня 18

Собака и Кобыла

Кобыла, поноску носить научена, чрезмерно кичилась. Она смертно не любила Меркурия – так назывался выжель – и, желая его убить, при всяком случае грозила ему задними копытами.

– Чем я виноват, госпожа Диана? – говорил выжель Кобыле. – За что я вам столь противен?..

– Негодный!.. Как только стану при гостях носить поноску, ты пуще всех хохочешь. Разве моя наука тебе смех?..

– Простите, сударыня, меня, не таюся в сем моем природном пороке, что для меня смешным кажется и доброе дело, делаемое без природы.

– Сукин сын! Что ж ты хвастаешь природою? Ты неученая невежа! Разве не знаешь, что я обучалась в Париже? И тебе ли смыслить то, что ученые говорят: *Ars perficit naturam*⁵⁴. А ты где учился и у кого?

– Матушка! Если вас учил славный патер Пификс⁵⁵, то меня научил всеобщий наш Отец Небесный, дав мне к сему сродность, а сродность – охоту, охота – знание и привычку. Может быть, посему дело мое не смешное, но похвальное.

Диана, не терпя, стала было строить задний фронт, а выжель ушел.

Сила. Без природы, как без пути: чем далее успеваешь, тем беспутнее заблуждаешь. Природа есть вечный источник охоты. Сия воля, по пословице, есть пуще всякой неволи. Она

⁵⁴ «Искусство усовершенствует природу» (лат.).

⁵⁵ Слово эллинское, значит обезьяна рода и роста большого.

побуждает к частому опыту. Опыт есть отец искусству, ведению и привычке. Отсюда родились все науки, и книги, и хитрости. Сия главная и единственная учительница верно выучивает птицу летать, а рыбу – плавать. Премудрая ходит в Малороссии пословица: «Без Бога ни до порога, а с ним хоть за море».

Бог, природа и Минерва есть то же. Как пахнувшая соль без вкуса, как цвет без природного своего духа, а око без зеницы, так несродное делание всегда чего-то тайного есть лишенное. Но сие тайное есть глава, а называется по-гречески τὸ πρῶτον, сиречь благолепие, или красота, и не зависит от науки, но наука от него. Госпожа Диана, как чересчур обученное, но с недостатком благоразумия животное, изволит противопоставить: *Ars perficit naturam*.

Но когда сродности нет, тогда скажи, пожалуй, что может привести в совершенство обучение? Слово *perficit* значит точно то: приводит в совершенство или в окончание. Ведь конец, как в кольце, находится всегда при своем начале, зависящий от него, как плод от семени своего. Знать то, что горница без начала и основания крышею своею с венчиком не увенчается.

Басня 19

Нетопырь и два птенца – Горлицын и Голубицын

Великий преисподний зверь, живущий в земле так, как крот, кратко сказать, Великий Крот, писал самое сладкоречивейшее письмо к живущим на земле зверям и к воздушным птицам. Сила была такая:

– Дивлюсь суеверию вашему: оно в мире нашло то, чего никогда нигде нет и не бывало: кто вам насеял сумасброд, будто в мире есть какое-то солнце? Оно в собраниях наших прославляется, начальствует в делах, печатлеет концы, услаждает жизнь, оживляет тварь, просвещает тьму, источает свет, обновляет время. Какое время? Одна есть только тьма в мире, так одно и время, а другому времени быть чепуха, вздор, небыль... Сия одна ваша дурость есть плодovitая мать и других дурачеств. Везде у нас врут: свет, день, век, луч, молния, радуга, истина. А смешнее всего – почитаете химеру, называемую око, будто оно зеркало мира, света приятилище, радости вместилище, дверь истины... Вот варварство! Любезные мои друзья! Не будьте подлы, скиньте ярем суеверия, не верьте ничему, пока не возьмете в кулак. Поверьте мне: не то жизнь, чтоб зреть, но то, чтоб шупать.

От 18 дня, апр. 1774 года. Из преисподнего мира.

Сие письмо понравилось многим зверям и птицам, например Сове, Дремлюге, Сычу, Удоду, Ястребу, Пугачу, кроме Орла и Сокола. А паче всех Нетопырь ловко шатался в сем высокородном догмате и, увидев Горлицына и Голубицына сынов, старался их сею высокопарною философиєю осчастливить. Но Горлицын сказал:

– Родители наши суть лучшие тебе для нас учителя. Они нас родили во тьме, но для света.

А Голубчик отвечал:

– Не могу верить обманщику. Ты мне и прежде сказывал, что в мире солнца нет. Но я, родившись в мрачных днях, в dneшний воскресный день увидел рано восход прекраснейшего всемирного ока. Да и смрад, от тебя и от Удоды исходящий, свидетельствует, что живет внутри вас недобрый дух.

Сила. Свет и тьма, тление и вечность, вера и нечестие – мир весь составляют и одно другому нужно. Кто тьма – будь тьмою, а сын света – да будет свет. От плодов их познаете их.

Басня 20

Верблюд и Олень

Африканский Олень часто питается змеями. Сей, нажравшись досыта оных и не терпя внутри палящей ядом жажды, быстрее птиц в полудни пустился на источники водные и на горы высокие. Тут увидел Верблюда, пьющего в поточке мутную воду.

– Куда спешишь, господин Рогач? – отозвался Верблюд. – Напейся со мною в сем ручейке.

Олень отвечал, что он мутной пить в сладость не может.

– То-то ваши братья чрезмерно нежны и замысловаты, а я нарочно смущаю: для меня мутная слаще.

– Верю, – сказал Олень. – Но я родился пить самую прозрачайшую из родника воду. Сей меня поточек доведет до самой своей головы. Оставайся, господин Горбач.

Сила. Библия есть источник. Народная в ней история и плотские имена есть то грязь и мутный ил. Сей живой воды фонтан подобен киту, испускающему вверх из ноздрей сокровенную нетления воду, о которой писано: «Вода глубока – совет в сердце мужа, река же исскачущая – и источник жизни» (Притчи, 18 и 20).

Кто Верблюд, тот возмущение потошных глаголов пьет, не достигая к той источничьей главе: «Маслом главы моей не помазал». А Олень к чистой воде востекает с Давидом: «Кто напоит меня водою из рва, который в Вифлееме при вратах?» (2-я Книга Царств, 23, стих 15). Слово, имя, знак, путь, след, нога, копыто, термин есть то тленные ворота, ведущие к нетления источнику. Кто не разделяет словесных знаков на плоть и дух, сей не может различить между водою и водою, красот небесных и росы. Взгляни на 33 гл. ст. 13 Второзакония: «И есть скот нечистый, не раздвояющий копыто». А каков есть сам, такова ему и Библия. О ней-то точно сказано: «С преподобным преподобен будешь...» Описатели зверей пишут, что верблюд, пить приступая, всегда возмущает воду. Но олень чистой любитель.

Сия басня писана в Светлое воскресение по полудни, 1774 в Бабаях.

Басня 21

Кукушка и Косик

Кукушка прилетела к черному Дроздику.

– Как тебе не скучно? – спрашивает его. – Что ты делаешь?

– Пою, – отвечает Дроздик, – видишь...

– Я и сама пою чаще тебя, да все, однако, скучно...

– Да ты ж, сударыня, только то одно и делаешь, что, подкинув в чужое гнездо свои яйца, с места на место перелетая, поешь, пьешь и ешь. А я сам кормлю, берегу и учу своих детей, а свои труды облегчаю пением⁵⁶.

Сила. Премножайшие, презрев сродную себе должность, одно поют, пьют и едят. В сей праздности несносную и большую терпят скуку, нежели работающие без ослабы. Петь, пить и есть не есть дело, но главного нашего сродного дела один только хвостик. А кто на то ест, пьет и поет, чтоб охотнее после отдыха взяться за должность, как за предлежащий путь свой, сему скуку прогнать не многого стоит: он каждый день и делен, и празден, и о нем-то пословица: «Доброму человеку всякий день праздник». Должность наша есть источник увеселения. А если кого своя должность не веселит, сей, конечно, не к ней сроден, ни друг ее верный, но нечто возле нее любит, и как не спокоен, так и не счастлив. Но ничто столь не сладко, как общая всем должность. Она есть искание царствия Божиего и есть глава, свет и соль каждой частной

⁵⁶ Самое доброе дело есть скучным без ослабы, а одно только безделье делать во сто раз скучнее.

должности. Самая изрядная должность не веселит и без страха Божиего есть, как без главы, мертва, сколько бы она отправляющему ни была сродна. Страх Господен возвеселит сердце. Оно, как только начнет возводить к нему мысли свои, вдруг оживляется, а бес скуки и уныния, как прах ветром возметаемый, отбегает. Все мы не ко всему, а к сему всяк добрый человек родился. Счастлив, кто сопряг сродную себе частную должность с общею. Сия есть истинная жизнь. И теперь можно разуметь следующее Сократово слово: «Иные на то живут, чтоб есть и пить, а я пью и ем на то, чтоб жить».

Басня 22 Навоз и Алмаз

Тот-то самый Навоз, в котором древле Эзопов петух вырыл драгоценный камушек, дивился Алмазу и любопытно вопрошал:

– Скажи мне, пожалуйста, откуда вошла в тебя цена столь великая? И за что тебя люди столь почитают? Я удобряю нивы, сады, огороды, красы и пользы есть я податель, а при всем том ни десятой доли не имею чести в сравнении с твоей.

– И сам не знаю, – отвечает Алмаз. – Я та же, что и ты, есть земля и гораздо хуже тебя. Она есть пережженный солнечным зноем пепел. Но только в сухих моих водах благолепно изображается блистание солнечного света, без которого силы все твои удобрения пустые, а произрашения мертвы, по старинной пословице: «В поле пшеница годом родится, не нивою, не навозом».

Сила. Светские книги, бесспорно, всякой пользы и красы суть преисполнены. Если бы они спросили Библию: для чего сами пред нею ни десятой доли чести и цены не имеют, для чего ей создаются алтари и храмы? – И сама не знаю, – отвечала бы она. – Я состою с тех же слов и речей, что вы, да и гораздо с худших и варварских. Но в невкусных речи моей водах, как в зеркале, благолепно сияет невидимое, но пресветлейшее око Божие, без которого вся ваша польза пуста, а краса мертва.

Конечно, сим-то древом жизни услаждается невкусных речей ее горесть, когда обычная вода ее претворяется в вино, веселящее сердце человеку. А точно о ней одной сказывает Соломон следующее: «Превознеслася ты над всеми. Ложного угождения и суетной доброты женской нет в тебе». Взгляни на конец притчей. Бог часто в Библии означает год, погоду, благоденствием, например: «Лето Господне приятно...» «Се ныне время благоприятно...» Прочти начало Соломонова проповедника о времени. «Время» – по-римски *tempus*, оно значит не только движение в небесных кругах, но и меру движения, называемую у древних греков *ῥυθμός*. Сие слово значит то же, что такт: и сие греческое же от слова (τάσσω – располагаю) происходит. Да и у нынешних музыкантов мера в движении пения именуется *темпо*. Итак, темно в движении планет, часовых машин и музыкального пения есть то же, что в красках рисунок. Теперь видно, что значит *ῥυθμός* и *tempus*. И премудро пословица говорит: «В поле пшеница годом родится...» Премудро и у римлян говаривали: *Annus producit, non ager*⁵⁷. Рисунок и темпо есть невидимость. Басня наша да заключится сими Аристотеля⁵⁸ о музыке словами: *ῥυθμὸς δὲ καίρομεν διὰ το ὑνώριον καὶ συντεταγμένον*⁵⁹. Кто сие разжует, тот знает, что значит рифм. Сие слово в России во многих устах, но не во многих умах.

⁵⁷ «Год производит, не поле» (лат.).

⁵⁸ *Аристотель* – великий древнегреческий философ (384–322 до н. э.), ученик Платона.

⁵⁹ «В ритме мы наслаждаемся ясностью и порядком» (греч.). См. об этом: *Аристотель*. Политика, кн. V, гл. 5.

Басня 23

Собака и Волк

У Титира, пастуха, жили Левкон и Фиридам, две собаки, в великой дружбе. Они прославились у диких и домашних зверей. Волк, побужден их славою и сыскав случай, поручал себя в их дружбу.

– Прошу меня жаловать и любить, государи мои, – говорил с придворною ужимкою Волк. – Вы меня высоколепно осчастливить в состоянии, если соизволите удостоить меня места быть третьим вашим другом, чего лестно ожидаю.

Потом насказал им о славных и богатых предках своих, о модных науках, в которых воспитан тщанием отцовским.

– Если ж, – промолвил Волк, – фамилией и науками хвалиться у разумных сердец почитается за дурость, то имею лучшие меры для приведения себя в вашу любовь. Я становитостью с обеими вами сходен, а голосом и волосом с господином Фиридамом. Самая древнейшая пословица: «*Simile ducit deus ad simile*»⁶⁰. В одном только не таюсь, что у меня лисий хвост, а волчий взор.

Левкон отвечал, что Титир на них совсем не похож, однако есть третий для них друг, что он без Фиридама ничего делать не начинает. Тогда Фиридам сказал так:

– Голосом и волосом ты нам подобен, но сердце твое далече отстоит. Мы бережем овец, довольны шерстью и молоком, а вы кожу сдираете, съедая их вместо хлеба. Паче же не нравится нам зеркало твоей души лукавый взор твой, косо на близ тебя ходящего барашка поглядывающий.

Сила. И фамилия, и богатство, и чин, и родство, и телесные дарования, и науки не сильны утвердить дружбу. Но сердце, в мыслях согласное, и одинаковая честность человеколюбной души, в двоих или троих телах живущая, сия есть истинная любовь и единство, о котором взгляни 4 гл. стих 32 в «Деяниях» и о котором Павел: «Не есть Иудей, не эллин...» «Все бо вы едино есть во Христе Иисусе» (Послание к галатам, гл. 3).

Басня 24

Крот и Линкс⁶¹

– Если бы ты, негодная тварюшка, имел моей прозорливости сотую долю, ты бы мог проникнуть сквозь самый центр земли. А теперь все щупаешь, слеп, как безлунная полночь...

– Пожалуйста, перестань хвастать, – отвечал Крот. – Взор у тебя острый, но ум весьма слеп. Если тебе дано, чего я лишен, и я ж имею, чего у тебя нет. Когда помышляешь об остром твоём взоре, тогда не забывай и острого моего слуха. Давно бы имел, если бы для меня нужны были очи. Вечная правда блаженной природы никого не обижает. Она, равное во всем неравенство делая, в остроте моего слуха вместила чувство очей.

Сила. Глупость в изобилии гордится и ругается, а в скудости оседает и отчаивается. Она в обеих долях несчастна. Там бесится, как в сумасбродной горячке, а тут с ног валится, как стерво. Сия вся язва родится оттуда, что не научился Царствию Божию и правде его, а думают, что в мире все делается на удачу так, как в незаконном владении. Но распростри, о бедная тварь, очи твои и увидишь, что все делается по самой точной правде и равенству, а сим успокоишься. Если в богатстве есть, чего в нищете нет, справься – и сыщешь в нищете, чего в богатстве нет. В которой земле менее родится плодов, там в награду здоровье воздуха. Где

⁶⁰ «Подобное к подобному ведет господь» (лат.).

⁶¹ Линкс – рысь.

менее клюквы и черницы, там менее скорботной болезни; менее врачей – менее больных; менее золота – менее надобности; менее ремесел – менее мотов; менее наук – менее дураков; менее прав – менее беззаконников; менее оружия – менее войны; менее поваров – менее испорченного вкуса; менее чести – менее страха; менее сластей – менее грусти; менее славы – менее бесславия; менее друзей – менее врагов; менее здоровья – менее страстей. Век и век, страна и страна, народ и народ, город и село, юность и старость, болезнь и здоровье, смерть и жизнь, ночь и день, зима и лето, – каждая статья, пол и возраст и всякая тварь имеет собственные свои выгоды. Но слепая глупость и глупое неверие сего не разумеет, одно только худое во всем видит, подобна цирюльничьим пиявкам, негодную кровь высасывающим. Для сего век над веком возносит, народ выше народа, недовольна своею ни статью, ни страню, ни возрастом, ни сродностью, ни участью, ни болезнью, ни здоровьем, ни смертью, ни жизнью, ни старостью, ни юностью, ни летом, ни зимою, ни ночью, ни днем и при удаче то восходит до небес, то нисходит отчаянием до бездн, лишена как света и духа веры, так и сладчайшего мира с равнодушием и жжется собственным своих печалей пламенем, дабы исполнилось для нее: «А не верующий уже осужден есть». Все же есть благое кроме не видеть Царствия Божия и правды Его, кроме болеть душою и мучиться из роптания неудовольствием; сие одно есть злое. Сие есть гордость сатанинская, воссесть на престоле Вышнего покушающаяся. Сей есть точный центр ада и отец страстей. «И не дает Иов безумия Богу». «Благословлю Господа на всякое время». Сей есть свет истины и видения Божиего. Посему и священники именуются сердца, в неверии сидящие, Божиим светом озаряя. «Вы есть свет миру». «Столь прекрасны ноги благовествующих мир...» «Святи их в истину твою...»

Басня 25

Лев и Обезьяны

Лев спит навзничь, а спящий весьма схож с мертвым. Толпа разного рода Обезьян, почитая его мертвым, приблизившись к нему, начали прыгать и ругаться, забыв страх и почтение к царю своему. А как пришло время восстания от сна, подвинулся Лев. Тогда Обезьяны, одним путем к нему пришедшие, седмицею путей рассыпалися. Старшая из них, придя в себя, сказала:

– Наши и предки ненавидели Льва, но Лев и ныне Лев и во веки веков.

Сила. Лев есть образ Библии, на которую восстают и ругают идолопоклонничьи мудрецы. Они думают, что она мертва и говорит о мертвости стихийной, не помышляя о том, что в тленных ее образах скрывается жизнь вечная и что все сие восстает и возносится к тому: «Бог наш на небесах и на земле...» И не разумея, что исходы ее суть исходы жизни, ругаются, слыша сие. «О горнем мудрствуйте...» «Нет здесь»⁶².

А как только блеснул свет восстания ее, тогда исполняется на них: «Расточатся враги его». Вот для чего Василий Великий говорит о Евангелии, что оно есть воскресение мертвых.

Иуда, сын Иакова, вместо Льва образом невидимого царя и Бога лежит, и посему то написано: «Возлег почил, как Лев. Кто воздвигнет его?» Лежит львица и царица наша, чистая дева, Библия, и о ней-то жизнь и воскресение наше Христос сказывает: «Не умерла девица, но спит...»

Блажен, не смежающий очей перед блистанием ее! Сей да поет с Давидом: «Сколь возлюбленны селения твои...» «Сколь красны дома твои, Иаков...»

Зверей описатели пишут, что Лев, родившись, лежит мертв, пока ужасным рыком пробудит его отец его, а сие делает в третий день. Возможно ль найти благолепнейший для божественной книги образ?

⁶² Сие Хамово племя смеется наготу отчей.

Басня 26

Щука и Рак

Щука, напав на сладкую еду, жадно проглотила. Но вдруг почувствовала сокровенную в сладости уду, увязшую во внутренностях своих. Рак сие издали приметил и, на утрешний день увидев Щуку, спросил:

– Отчего вы, сударыня, не веселы? Куда девался ваш кураж?

– Не знаю, брат, что-то грустно. Думается, для увеселения поплыть из Кременчука в Дунай. Днепр наскучил.

– А я знаю вашей грусти родник, – сказал Рак, – вы проглотили уду. Теперь вам не пособит ни быстрый Дунай, ни плодоносный Нил, ни веселовидный Меандр, ни золотые крыльца.

Сила. Рак точную правду рассказывает. Без Бога и за морем худо, а мудрому человеку весь мир есть отечество: везде ему и всегда добро. Он добро не собирает по местам, но внутри себя носит оное. Оно ему солнце во всех временах, а сокровище во всех сторонах. Не его место, но он посвящает место, не изгнанник, но странник и не отечество оставляет, а отечество переменяет; в которой земле пришелец, той земли и сын, имея внутри себя народное право, о котором Павел: «Закон духовный есть».

Страх Господен – источник мудрости и веселья, и долгоденствия, а неверие есть сладчайшая еда, скрывающая горчайший яд. Трудно сей яд приметить. Трудно проникнуть беззаконие. «Грехопадение кто разумеет?» Тот, кто проникнул страх Божий. Корень его горький, но плоды сладчайшие. А беззаконие есть уда, сладостью обвитая, увязляющая душу.

Честолюбие ли тебя ведет ко греху? Оно есть сладость, обвинившая уду. Плотская ли сласть пленила? Проглотил ты уду. За серебром ли погнался и впал в неправду? Пленен ты удою. Зависть ли, месть, гнев или отчаянность увязла в душе твоей? Проглотил ты уду, о которой Павел: «Жало же смерти – грех». Безбожие ли вселилось в сердце твоём? Проглотил ты уду, о которой Исайя: «Не радоваться нечестивым». «Говорит безумный в сердце своем: нет Бога...» Вражда ли с Богом воцарилась внутри тебя? Пожер ты уду, о которой Моисей: «Проклят ты в городе, проклят ты на селе...» Мучит душу твою страх смерти плотской? Увязла в ней уда, о которой Исайя: «Беззаконные взволнуются и почить не смогут». Грех, значит, жить по закону плотских членов и страстей наших, воюющих против закона ума нашего. Таков где скроется? Какое место увеселит его? Какая прибыль раскуражит сердце его? В душе своей и в сердце своем везде и всегда носит несчастье. Взгляни и послушай несчастного раба! «Которое бо хотеть, принадлежит мне, а что делать не обретаю...»

Вот истинный плен! «Всяк согрешающий раб есть греха».

Басня 27

Пчела и Шершень

– Скажи мне, Пчела, отчего ты столь глупа? Знаешь, что трудов твоих плоды не столько для тебя самой, сколько для людей полезны, но тебе часто и вредят, принося вместо награждения смерть, однако не перестаете дурачиться в собирании меда. Много у вас голов, но безмозглые. Видно, что вы без толку влюбились в мед.

– Ты высокий дурак, господин Советник, – отвечала Пчела. – Мед любит есть и Медведь, а Шершень тоже лукаво достает. И мы бы могли воровски добывать, как иногда наша братия и делает, если бы мы только есть любили.

Но нам несравненно большая забава собирать мед, нежели кушать. К сему мы рождены и не перестанем, пока умрем. А без сего жить и в изобилии меда есть для нас лютейшая смерть.

Сила. Шершень есть образ людей, живущих хищением чужого и рожденных на то одно, чтоб есть, пить и проч. А пчела есть герб мудрого человека, в сродном деле трудящегося. Многие шершни без толку говорят: для чего сей, например, студент научился, а ничего не имеет? На что-де учиться, если не иметь изобилия?.. Не рассуждая слов Сираха: «Веселье сердца – жизнь человеку», – и не разумея, что сродное дело есть для него сладчайшее пиршество. Взгляните на правление блаженной природы и научитесь. Спросите вашу борзую собаку, когда она веселее? – Тогда, – отвечает вам, – когда гоню зайца. Когда вкуснее заяц? – Тогда, – отвечает охотник, – когда гоняю.

Взгляните на сидящего пред вами кота. Когда он куражнее? Тогда, когда целую ночь бродит или сидит возле норки, хотя, уловив, и не ест мышь. Запри в изобилии пчелу, не умрет ли с тоски в то время, когда можно ей летать по цветочным лугам? Что горестнее, как плавать в изобилии и смертно мучиться без сродного дела? Нет мучительнее, как болеть мыслями, а болят мысли, лишаясь сродного дела. И нет радостнее, как жить по натуре. Сладок здесь труд телесный, терпение тела и самая смерть его тогда, когда душа, владычица его, сродным услаждается делом. Или так жить, или должно умереть. Старик Катон чем мудр и счастлив? Не изобилием, не чином – тем, что последует натуре, как видно в Цицероновой книжечке «О старости». Сия одна есть милосердная мать и премудрая путеводительница. Сия преблагая домохозяйница несытому дарует много, а мало дает довольному малым.

Но раскусить же должно, что значит жить по натуре. Не закон скотских членов и похотей наших, но значит блаженное оное естество, называемое у богословов трисолнечное, всякой твари свою для нее часть и сродность вечно предписывающее. О сем-то естестве сказал древний Эпикур следующее: «Благодарение блаженной натуре за то, что нужное сделала нетрудным, а трудное ненужным»⁶³.

А поскольку в Боге нет мужского пола, ни женского, но все в нем и он во всем, для того сказывает Павел: «Который есть всяческое во всем...»

Басня 28

Оленица и Кабан

В польских и венгерских горах Оленица, увидев домашнего Кабана:

– Желаю здравствовать, господин Кабан, – стала приветствовать, – радуюсь, что вас...

– Что ж ты, негодная подлость, столь не учтива! – вскричал, надувшись, Кабан. – Почему ты меня называешь Кабаном? Разве не знаешь, что я пожалован Бараном? В сем имею патент, и что род мой происходит от самых благородных Бобров, а вместо епанчи для характера ношу в публике содранную с овцы кожу.

– Прошу простить, ваше благородие, – сказала Оленица, – я не знала! Мы, простые, судим не по убору и словам, но по делам. Вы так же, как прежде, роете землю и ломаете плетень. Дай Бог вам быть и Конем!

Сила. Не можно довольно надивиться глупцам, пренебрегшим и поправшим премного честнейший и бесценный добродетели бисер на то одно, чтоб продаться в чин, совсем ему не сродный. Какой им змий в ухо нашептал, что имя и одежда преобразят их в бытии, а не жизнь честная, достойная чина? Вот точные грани Эзоповы, одевающиеся в чужие перья. Из таковых сшитое жительство подобное судну, в котором ехали морем одетые по-человечески обезьяны, а ни одна править не умела. Если кто просвещенное око имеет, какое множество видит сих Ослов, одетых в львиную кожу! А на что одеты? На то, чтоб вполне могли жить по рабским своим прихотям, беспокоить людей и проламываться сквозь законов гражданских заборы. А

⁶³ Благодарение блаженной натуре – любимое Сковородой изречение древнегреческого философа Эпикура.

никто из достойных чести на неучтивость скорее не сердится, как сии Обезьяны с Ослами и Кабанами. Древняя эллинская пословица: «Обезьяна обезьяною и в золотом характере».

Вспоминает и Соломон о свинье с золотым в ноздрях ее кольцом (Притчи, гл. II, стих 22). Знаю, что точно он сие говорит о тленных и бранных фигурах, в которых погрязло и скрылося кольцо вечного Царствия Божия, а только говорю, что можно приточить и к тем, от которых оное взято для особого образования в Библию. Добросердечные и прозорливые люди разными фигурами изображали дурную душу сих на одно только зло живых и движимых чучел. Есть и в Малороссии пословица: «Далеко свинья от коня».

Басня 29

Старуха и Горшечник

Старуха покупала горшки. Амуры молодых лет еще и тогда ей отрыгались.

– А что за сей хорошенький?..

– За того возьму хоть 3 полушки, – отвечал Горшечник.

– А за того гнусного (вот он), конечно, полугака?..

– За того ниже двух копеек не возьму...

– Что за чудо?..

– У нас, бабка, – сказал мастер, – не глазами выбирают: мы испытываем, чисто ли звенит.

Баба, хотя была не подлого вкуса, однако не могла больше говорить, а только сказала, что и сама она давно сие знала, да вздумать не могла.

Сила. Конечно, сия премудрая Ева есть прабаба всем тем острякам, которые человека ценят по одежде, по телу, по деньгам, по углам, по имени, не по его жития плодам. Сии правнуки, имея тот же вкус, совершенно доказывают, что они суть плод от сей райской яблони. Чистое, и как римляне говорили, *candidum* – белое, и независтное сердце, милосердное, терпеливое, куражное, прозорливое, воздержное, мирное, верующее в Бога и уповающее на него во всем – вот чистый звон и честная души нашей цена! Воспоминает и сосуд избранный Павел о сосудах честных и бесчестных (2, «К Тимофею», гл. 2, стих 20, и «К римлянам», 9, стих 21). «Утроба буйно как сосуд сокрушен и всякого разума не удержит» (Сирах, гл. 21, ст. 17).

Известно, что в царских домах находятся фарфоровые, серебряные и золотые урины, которых, конечно, честнее глиняная и деревянная посуда, пищею наполняемая, так как ветхий сельский храм Божий почтеннее господского бархатом украшенного афедрона. Изрядная великороссийская пословица сия: «Не красна изба углами, а красна пирогами».

Довелось мне в Харькове между премудрыми эмблематами на стене залы видеть следующий: написан схожий на черепаху гад с долговатым хвостом, среди черепа сияет большая золотая звезда, украшая оный. Посему он у римлян назывался *stellio*, а звезда – *stella*, но под ним толк подписан следующий: «*Sub luce lues*», сиречь под сиянием язва. Сюда принадлежит пословица, находящаяся в Евангелии: «Гробы повапленные».

Басня 30

Соловей, Жаворонок и Дрозд

Среди высокой степи стоял сад – жилище Соловьев и Дроздов. Жаворонок, прилетев к Соловью:

– Здравствуй, господин певчий, – сказал ему.

– Здравствуй и ты, господин Соловей, – отвечал ему певчий.

– Для чего ты меня твоим именем называешь? – спросил Жаворонок.

– А ты для чего меня называешь певчим?..

Жаворонок. Я тебя не без причины назвал певчим: твое имя у древних эллинов было ἄηδών, сиречь певчий, а ψδῆ – песня.

Соловей. А твое имя у древних римлян было alauda, сиречь слава, а славлю – laudo.

Жаворонок. Если так, теперь начинаю тебя больше любить и прилетел просить твоей дружбы.

Соловей. О простак! Можно ли выпросить дружбу? Надобно родиться к ней⁶⁴. Я часто пою сию мою песенку, научен от отца моего:

Ομοιον πρὸς ὅμοιον ἄγει θεός⁶⁵.

Жаворонок. И мой батька сию песенку поет. Я ж тебе как в прочем, так и в сем подобен, что ты поешь Христа, всей твари Господа, а я его ж славлю, и в сем вся наша забава.

Соловей. Хорошо, я совершенный твой друг, если в саду жить станешь.

Жаворонок. А я искренний твой любитель, если в степи жить станешь.

Соловей. Ах, не волоки меня в степь: степь – мне смерть. Как ты в ней живешь?..

Жаворонок. Ах, не волоки ж меня в сад: сад – мне смерть, как ты в нем живешь?..

– Полно вам, братья, дурачиться, – молвил, недалече сидя, Дрозд. – Вижу, вы рождены к дружбе, но не смыслите любить. Не ищи то, что тебе нравно, но то, что другу полезно: тогда и я готов быть третьим вашим другом.

Потом, всяк своим пением пропев, утвердили в Боге вечную дружбу.

Сила. Сими тремя птичками образуется добрая дружба. Дружбы нельзя выпросить, ни купить, ни силою вырвать. Любим тех, кого любить родились так, как едим то, что по природе, а у Бога для всякого дыхания всякая пища добра, но не всем. И как нельзя коня с медведем, а собаку с волком припрячь к коляске, так не можно, чтобы не оторвалось ветхое сукно, пришитое к свежему, а гнилая доска, приклеенная к новой. Равное же несогласие есть между двумя разных природ людьми, а самая вящая несродность между злым и добрым сердцем. Жаворонок с Дроздом и Соловьем дружить может, а с ястребом, нетопырем – не может. Если Бог разделил, тогда кто совокупит? Премудрая и предревняя есть сия пословица: «Ομοιον πρὸς ὅμοιον ἄγει θεός». «Подобного к подобному ведет бог». Одна только несносность жаворонку жить в саду так, как соловью в степи. Сие у эллинов именовалось ἀντιπάθεια⁶⁶. А в прочем во всем между ими равная сносность συμπάθεια⁶⁷.

Не должно же друга нудить к тому, что тебя веселит, а его мучит. Многие помянутой пословице противоречат, должно-де и врагов любить. Бесспорно, но дружба так, как милостыня; многие степени окружают центр престола ее. Всем доброжелателем быть можешь, но не наперсником. Иначе благодетельствуем домашним и сродственникам, иначе приходим и странным. Бог всем благодетель, но не для всех сие его слово: «Обрел Давида, мужа по сердцу моему», а только для тех, которые сердце свое в божественную совсем преобразив волю, о всем благодаряше веруют, надеются, любят его и слышат: «Вы друзья мои...» (от Иоанна, гл. 15).

Счастлив, кто хоть одну только тень доброй дружбы нажить удостоился. Нет ничего дороже, слаще и полезнее ее. Великая Русь просвещенно поговаривает: «В поле пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится». «Где был?» – У друга. «Что пил?» – «Воду, лучше неприятельского меду». Носится и в Малороссии пословица: «Не имей ста рублей, как одного друга». Но не достоин дружеской любви превозносящий что-либо выше дружбы и не положивший оную остатним краем и пристанищем всех своих дел и желаний. Соловей пре-

⁶⁴ Один Бог есть сеятель дружбы.

⁶⁵ Сиречь подобного к подобному ведет Бог.

⁶⁶ Разность, или противострастие.

⁶⁷ Равность, или сострастие.

славное свое имя уступает самовольно другу. Сладка вода с другом, славна с ним и безименность. Катон сказал: «Пропал тот день, что без пользы прошел». Но Траян (чуть ли не Тит) яснее сказал: «О друзья, погиб мой день – никому я не услужил».

Всякой власти, званию, чину, сострапию, ремеслу, наукам начало и конец – дружба, основание, союз и венец обществу. Она создала небо и землю, сохраняя мир миров в красоте, чине и мире. «Бог любви есть...»

А кто пленился ею, тот высший законов гражданских, самим управляется Богом. «Всяк, кто в нем пребывает, не согрешает...» (I Иоанна, гл. 3, стих 7). «Праведнику закон не положен, но беззаконным» (I, К Тимофею, гл. 1, стих 9).

Не надобно приводить трубами воду туда, где отрыгает чистейшее питье сам источник – всех поточков отец и глава. «Своему Господу стоит или падает» (К римлянам, гл. 14).

К сей главе нас возводить есть должность богословия, одной из трех главнейших наук, содержащих в благоденствии жительство. Сих одних учителя именуются в Европе *doctores*.

Единственный их предмет есть человек. Медицина врачует тело; юриспруденция страхом приводит каждого к должности, а богословие из рабов делает сынами и друзьями Божиими, вливая в сердце их охоту свободную к тому, к чему гражданские законы силою волокут. «Уже ты не раб, но сын...» (К галатам, гл. 4). Чем множе таковых в жителстве, тем оно счастливее, и не напрасно есть пословица: «Доброе братство лучше богатства».

А что сказано о дружбе, то ж разумеется и о состоянии. Как в том, так и к сему вождь верный есть природа; счастлив же последующий ему. Впрочем, как помянутые птички образуют верного, избранного по природе, сиречь по Богу, друга, так друг есть фигура и образ священной Библии. Взгляни на гл. 6, стих 14 Сираха. Читай их подалее и понимай, что Христос есть всех тех слов цель. Он есть премудрость Божия, глаголящая к нам: «Вы друзья мои... Се мать моя и братья...» (Марка, гл. 3).

А как творящие волю Божию суть мать и братья Христовы, так взаимно им Библия. Взгляни на конец 14 гл. и на начало 15 Сираха. Точно о Библии речь: «Вырастит его, как мать...»

Скажи мне, что есть друг? Слуга и доброжелатель. Какая ж лучшая услуга, как привести к ведению Божию? Все есть ложь, сиречь непостоянное и нетвердое, кроме Бога. Но Библия учит о Боге: «Я на сие родился... чтоб свидетельствовать истину» (От Иоанна, стих 37, гл. 18). «Слово твое истина есть» (гл. 17, От Иоанна). Вся наша жизнь в руке Божией; сие значит врожденное нам предписание пищи, состояния, дружбы... Самое маленькое дело без его руководства есть неудачное. «Без меня не можете...» Кто знает Бога, тот знает план и путь жития своего. Что есть житие? Есть всех дел и движений твоих сноп. Видишь, что познавший Бога все свое разумеет. Вот для чего сказано: «Друг верен – покров крепок...»

Ничему нас Библия не учит, кроме богосказания, но сим самым всего учит. И как имеющий очи все видит, так чувствующий Бога все разумеет и все имеет – все, что для себя. А если черепаха крыльев не имеет, какая нужда? Они для птицы нужны. Не в том совершенная премудрость, чтоб весь мир перезнать. Кто может сие? А невозможное и ненужное есть то же. Но если все знаешь, что тебе надобно, сие значит совершенную мудрость. Пересмотрев все планеты и приобрев все миры, не имея и не зная то, что для тебя, и скуден, и не знаток, и не весел ты, так как, перевидав все дороги, но не увидав твою, ничего и не знаешь, и не имеешь, и не куражен. Да и как быть можешь куражен, лишен для тебя нужного? Как иметь станешь, не сыскав? А как сыщешь, не узнав? Как же узнаешь, лишен сладчайшего и всевожделеннейшего твоего руководителя – света Божиего? Старинная пословица: «Охота пуще неволи». Злая охота побуждает злодея к ужасным предприятиям. Но не менее сильна и святая охота. Охота, любовь, огонь, свет, пламень, разжжение есть то же, «Бог любви есть...»

Сия распалила и устремила апостольские, пророческие и мученические сердца на лютые страдания, а пустынников и постников к горчайшим подвигам разожгла и оживляла их. О сем просвещающем и распалюющем, но не опаляющем огне Соломон в Песни Песней:

Крепка, как смерть, любовь,
Жестока, как ад, ревность,
Крылья ее – крылья огня;
Углие огненное – пламя ее

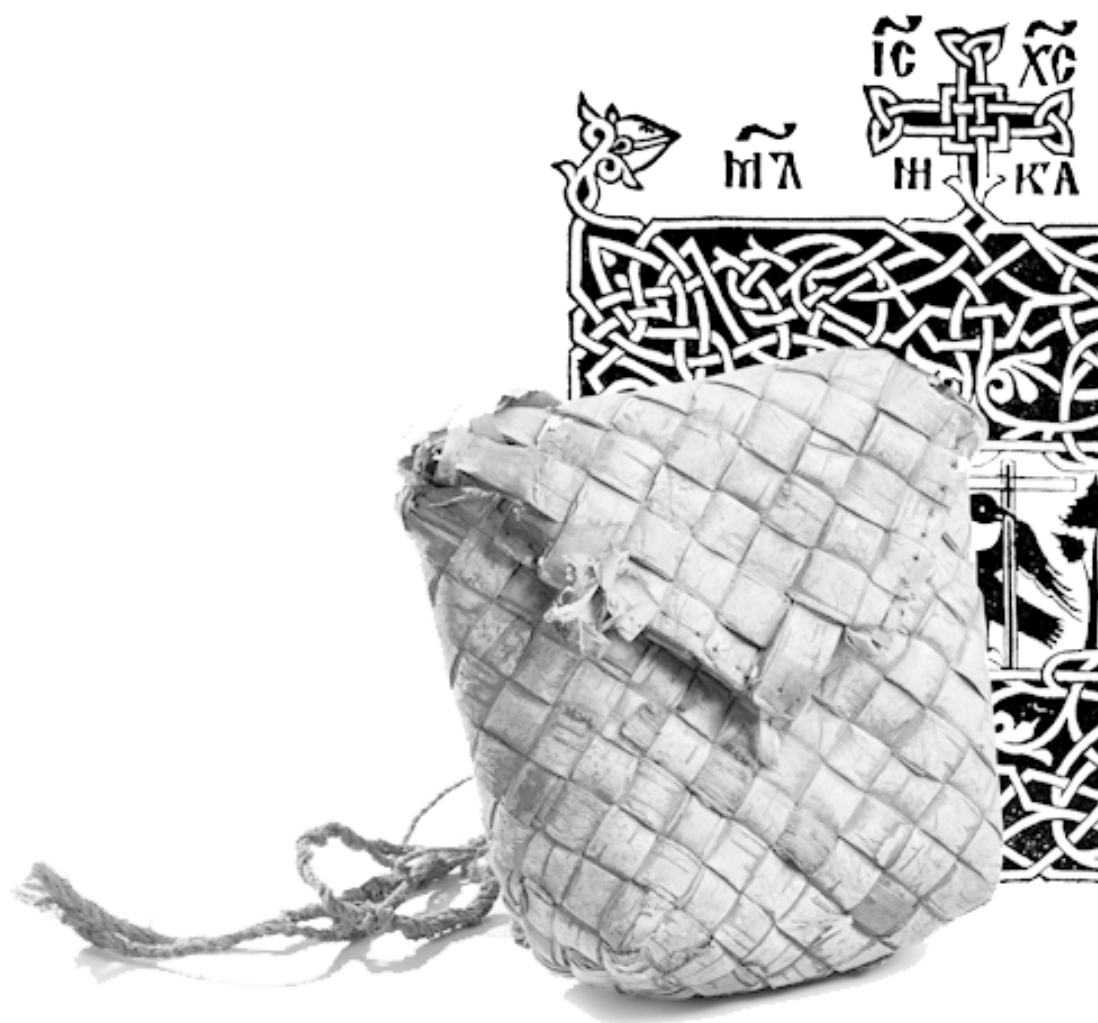
(гл. 8).

Сей божественный кураж просвещал тьму их, согревал отчаяние, прохладжал зной, услаждал горести, а без сего всякое счастье есть несчастное. Итак, Библия есть наш верховнейший друг и ближний, приводя нас к тому, что есть единое дражайшее и любезнейшее. Она есть для нас предками нашими оставленный завет, хранящий сокровище боговедения. Боговедение, вера, страх Божий, премудрость есть то же. Сия одна есть истинная премудрость. Сей друзей Божиих и пророков готовит (Премудрости Соломона, гл. 4).

«Сию возлюбил и поискал из юности моей». «Сия благолепнее солнца». «Проницающая, как утро, добра, как луна, избрана, как солнце». «Труды ее суть добродетели: ибо целомудрию и разуму учит, правде и мужеству, их же потребнее ничто же есть в житии людям» (Песнь Песней и Премудрости Соломона, гл. 7 и гл. 8).

Трактаты. Диалоги. Притчи⁶⁸

⁶⁸ Философские произведения Сковороды в значительной степени отличаются по форме от сочинений других отечественных мыслителей XVII–XVIII вв., у которых доминировал предельно монологичный трактат, а диалог играл второстепенную роль. Форма систематизаторского трактата явно не привлекала Сковороду, и лишь три его произведения можно условно отнести к этому школьному жанру: «Начальная дверь ко христианскому добронравию», «Икона Алкивиадская» и «Жена Лотова». Осознанный отказ философа от авторитарно-систематизаторского стиля мышления сказался и в его выборе диалогической формы для своих сочинений. Диалог характерен главным образом для низовой литературы того времени (многочисленные варианты «Беседы трех святителей», «Люцидарий», «Бенкет духовный» и др.), хотя нельзя не упомянуть и «Книгу души, нарицаемую злото» Петра Могилы, «Aristoteles problemata, albo Pytania o przyrodzeniu czlowieczym» Касиана Саковича, «Rozmowe bialocerkewska» Иоаникия Галытовского, «Pias oratoria» Лаврентия Крщоновича, «Розглагольствие тектона си есть древодела с купцом» и «Разговор гражданина с селянином да с певцом или дьячком церковным» Феофана Прокоповича, «Вопросы и ответы краткие о вере и о прочих ко знанию христианину нужнейших» Димитрия Ростовского. Философский диалог Сковороды имеет «синкретический» характер, это очень сложное жанровое образование. С одной стороны, сковородиновский диалог, как показал Л. В. Ушкалов, генетически зависит от «сократического» диалога на всем протяжении его истории: от эвристических бесед Сократа и литературного диалога Платона, Ксенофонта, Эсхина и др. – до характерного для Средневековья диалога катехизисного типа, который в Новое время начинает регенерировать в своей жанровой памяти античные черты. Сковородиновские диалоги 70-х гг. демонстрируют как зависимость от катехизиса (своеобразная авторитарность истины и персонажей – ее носителей, дидактизм, специфическая незавершенность композиционной структуры, определенная одномерность образов-персонажей, скупость реальных деталей, воссоздающих обстановку беседы), так и выразительную ориентированность на «сократический» диалог (наличие особой поисковости персонажей и диалога в целом по отношению к истине, диалог как средство самопознания и выработки действенных понятий, использование приемов синкризиса и анакризиса, персонажи как характеры и «идеологи», наличие бытового, событийного, психологического фона, на котором разворачивается философская беседа, усиленная образность: наличие значительного числа аналогий, символов, аллегорий, использование мифов и т. д.). С другой стороны, необходимо обратить внимание на то, что Сковорода вводит в структуру своего диалога различные элементы христианского храмового действия, которые придают диалогу характер «внехрамовой литургии». Литургия входит в философский и жанровый синтез диалога, поскольку постоянно присутствует в творческом мышлении философа. Как известно, Сковорода с детства любил церковное пение и сам пел на клиросе, «отменно, приятно», отмечает биограф. «Любимое, но не главное упражнение его была музыка, которою он занимался для забавы и препровождал праздное время. Он сочинил духовные концерты, положи некоторые псалмы на музыку, так же и стихи, певаемые во время литургии, которых музыка преисполнена гармонии простой, но важной, проникающей, пленяющей, умиляющей. Он имел особую склонность и вкус к акроматическому (диатоническому. – О.М.) роду музыки» (наст. изд., с.). Множество цитат из Библии, что так характерно для Сковороды, часто попадают в его сочинения опосредованно – через богослужебный канон, и в контексте диалога начинают выполнять особую, связанную с литургией функцию. Внимательный читатель ощущает музыкальную огласовку цитат из, скажем, Псалмов Давидовых, «призвук» мелодики церковного пения, создающих в смысловом пространстве диалога специфическую сакральную атмосферу, тово́с богослужения. Внимание мыслителя к храмовому пению, структуре и смыслу богослужения, разумеется, не случайно. Православие вообще «есть по преимуществу религия литургическая», справедливо отмечал в свое время Н. А. Бердяев. Сковорода строил свое учение герменевтически – методом интерпретации сакрального текста, и потому закономерно включал в состав «символического мира» и текст богослужения в совокупности вербального, «жестового», музыкального, иконографического его составляющих. Логика Сковороды «синхронна» здесь логике традиции святоотеческой мысли, которая приходила от экзегетики св. Писания к так называемой мистагогии – толкованию богослужения как формы коллективного обожения (Кирилл Иерусалимский, Ареопagit, Максим Исповедник, Герман Константинопольский, Софроний Иерусалимский, Симеон Солунский, Николай Кавасила). Однако сковородиновское понимание литургии и таинств носит исключительно символический (аллегорический) характер, это текст, который требует иносказательного толкования, как и любой элемент «символического мира». Здесь Сковорода близок, как и в интерпретации св. Писания, тому же Клименту Александрийскому и Оригену. Метафизическое «пробуждение» приводит его к конструированию философского диалога как своего рода «внехрамовой литургии», подлинной формы богообщения – это зачастую не просто размышления персонажей, но делание, соглашающее («симфония») сердца друг с другом в Боге, интеллектуализированная евхаристия, обожение, бытие-в-истине (подробнее см. примеч. к диалогу «Наркисс»).

Начальная дверь к Христианскому Добронравию⁶⁹
Написана в 1766 году для молодого шляхетства
Харьковской губернии, а обновлена в 1780 году

Преддверие

Благодарение блаженному Богу о том, что нужное сделал нетрудным, а трудное ненужным.

Нет слаще для человека и нет нужнее, как счастье; нет же ничего и легче сего. Благодарение блаженному Богу. Царствие Божие внутри нас. Счастье в сердце, сердце в любви, любовь же в законе вечного.

Сие есть непрестающее ведро и незаходящее солнце, тьму сердечной бездны просвещающее. Благодарение блаженному Богу.

Что было бы, если бы счастье, пренужнейшее и любезнейшее для всех, зависело от места, от времени, от плоти и крови? Скажу яснее: что было бы, если бы счастье заключил Бог в Америке, или в Канарских островах, или в азиатском Иерусалиме, или в царских чертогах, или в Соломоновом веке, или в богатствах, или в пустыне, или в чине, или в науках, или в здравии?.. Тогда бы и счастье наше и мы с ним были бедные. Кто б мог добраться к тем местам? Как можно родиться всем в одном коем-то времени? Как же и поместиться в одном чине и стати? Кое же то и счастье, утвержденное на песке плоти, на ограниченном месте и времени, на смертном человеке? Не сие ли есть трудное? Ей! Трудное и невозможное. Благодарение же блаженному Богу, что трудное сделал ненужным.

Ныне же желаешь ли быть счастливым? Не ищи счастья за морем, не проси его у человека, не странствуй по планетам, не волочись по дворцам, не ползай по шару земному, не броди по Иерусалимам... Золотом можешь купить деревню, вещь трудную, как обходимую, а счастье как необходимая необходимость туне везде и всегда даруется.

Воздух и солнце всегда с тобою, везде и туне; все же то, что бежит от тебя прочь, знай, что оно чуждое и не почитай за твое, все то странное есть и лишнее. Что же тебе нужды? Тем-то оно и трудное. Никогда бы не разлучилось с тобою, если бы было необходимое. Благодарение блаженному Богу.

Счастье ни от небес, ни от земли не зависит. Скажи с Давидом: «Что мне есть на небесе? И от тебя что восхотел на земле?»

Что же есть для тебя нужное? То, что самое легкое. А что же есть легкое? О друг мой, все трудное, и тяжелое, и горькое, и злое, и лживое есть. Однако что есть легкое? То, друг мой, что нужное. Что есть нужное? Нужное есть только одно: «Едино есть на потребу».

Одно только для тебя нужное, одно же только и благое и легкое, а прочее все труд и болезнь.

Что же есть оное едино? Бог. Вся тварь есть рухлядь, смесь, сволочь, сечь, лом, крушь, стечь, вздор, сплочь, и плоть, и плетки... А то, что любезное и потребное, есть едино везде и всегда. Но сие едино все горстию своею и прах плоти твоей содержит.

Благодарение ж блаженному Богу за то, что все нас оставляет и все для нас трудное, кроме того, что потребное, любезное и единое.

⁶⁹ Этот «конспект» лекций, которые Сковорода читал студентам Харьковского коллегиума, впервые был опубликован в журнале «Сионский вестник» (1806, 3). Написан он был в 1768 г., а «Преддверие», возможно, в 1780.

Многие телесные необходимости ожидают тебя, и не там счастье, а для сердца твоего едино есть на потребу, и там Бог и счастье, не далеке оно. Близ есть. В сердце и в душе твоей.

В сей ковчег ведет и наша десятоглавая беседа, будто чрез десять дверей, а я желаю, дабы душа твоя, как Ноева голубица, не обретши нигде покоя, возвратилась к сердцу своему, к тому, кто почивает в сердце твоём, дабы сбылось оное Исаиино: «Будут основания твои вечные родом родов, и назовешься создателем оград, и пути твои посреди успокоишь».

Сего желает Григорий, сын Саввы Сковороды.

Твердь беседы

«Истина Господня пребывает вовеки».
«Вовек, Господи, слово твое пребывает».
«Закон твой посреди чрева моего».
«Слово плотью было и вселилось в нас».
«Посреди вас стоит, его же не знаете».

Глава 1-я О Боге

Весь мир состоит из двух натур: одна – видимая, другая – невидимая.

Видимая натура называется тварь, а невидимая – Бог.

Сия невидимая натура, или Бог, всю тварь проникает и содержит; везде всегда был, есть и будет. Например, тело человеческое видно, но проникающий и содержащий оное ум не виден.

По сей причине у древних Бог назывался *ум всемирный*. Ему ж у них были разные имена, например: *натура, бытие вещей, вечность, время, судьба, необходимость, фортуна* и проч.

А у христиан знатнейшие ему имена следующие: *Дух, Господь, Царь, Отец, Ум, Истина*. Последние два имени кажутся свойственнее прочих, потому что ум вовсе есть невеществен, а истина вечным своим пребыванием совсем противна непостоянному веществу. Да и теперь в некоторой земле называется Бог *иштен*⁷⁰. Что касается видимой природы, то ей также не одно имя, например: *вещество, или материя, земля, плоть, тень* и проч.

Глава 2-я О вере вселенской

Как теперь мало кто понимает Бога, так не удивительно, что и у древних часто публичную ошибкою почитали вещество за Бога и затем все свое богопочитание отдали в посмеяние.

Однако же в то все века и народы всегда согласно верили, что есть тайная некая, по всему разлившаяся и всем владеющая сила.

По сей причине для чести и памяти его по всему шару земному общенародно были всегда посвящаемы дома, да и теперь везде все то же. И хотя, например, подданный может ошибкою почтить камердинера вместо господина, однако ж в том никогда не спорит, что есть над ним владелец, которого он, может статься, в лицо не видывал. Подданный его есть всякий народ, и равно каждый признает пред ним рабство свое.

Такова вера есть общая и простая.

⁷⁰ *Иштен* – Имеется в виду венгерское *isten*.

Глава 3-я

О промысле общем

Сия-то блаженнейшая натура, или дух, весь мир, будто машинистова хитрость часовую на башне машину, в движении содержит и, по примеру попечительного отца, сам бытие есть всякому созданию. Сам одушевляет, кормит, распоряжает, починяет, защищает и по своей же воле, которая всеобщим законом, или уставом, зовется, опять в грубую материю, или грязь, обращает, а мы то называем смертью.

По сей причине разумная древность сравнила его с математиком или геометром, потому что непрестанно в пропорциях или размерах упражняется, вылепливая по разным фигурам, например: травы, деревья, зверей и все прочее; а еврейские мудрецы уподобили его горшечнику.

Сей промысл есть общий, потому что касается благосостояния всех тварей.

Глава 4-я

О промысле, особенном для человека

Сей чистейший, всемирный, всех веков и народов всеобщий ум излил нам, как источник, все мудрости и художества, к проведению жития нужные.

Но ничем ему так не одолжен всякий народ, как тем, что он дал нам самую высочайшую свою премудрость, которая природный его есть портрет и печать.

Она столь превосходит прочие разумные духи, или понятия, сколь наследник лучше служителей.

Она весьма похожа на искуснейшую архитектурную симметрию или модель, которая по всему материалу, нечувствительно простираясь, делает весь состав крепким и спокойным, все прочие приборы содержащим.

Так слово в слово и она, по всем членам политического корпуса, из людей, не из камней состоящего, тайно разлившись, делает его твердым, мирным и благополучным.

Если, например, какая-то фамилия, или город, или государство по сей модели основано и учреждено, в то время бывает оно раем, небом, домом Божиим и прочее. А если один какой-то человек созиждет по нему житие свое, в то время бывает в нем страх Божий, святость, благочестие и прочее. И как в теле человеческого один ум, однако разно по рассуждению разных частей действует, так и в помянутых сожителствах, сею премудростью связанных, Бог чрез различные члены различные в пользу общую производит действия.

Она во всех наших всякого рода делах и речах душа, польза и краса, а без нее все мертво и гнушно. Родимся мы все без нее, однако для нее. Кто к ней природнее и охотнее, тот благороднее и острее, а чем большее кто с нею имеет участие, тем действительнее, но не понятое внутри чувствует блаженство или удовольствие. От нее одной зависит особенный в созидании рода человеческого промысл. Она-то есть прекраснейшее лицо Божие, которым он со временем, напечатываясь на душе нашей, делает нас из диких и безобразных монстров, или уродов, человеками, то есть зверьками, к содружеству и к помянутым сожителствам годными, незлобивыми, воздержными, великодушными и справедливыми.

А если уже она вселилась в сердечные человеческие склонности, в то время точно есть то же самое, что в движении часовой машины темпо (tempo), то есть правильность и верность. И тогда-то бывает в душе непорочность и чистосердечие, как бы райский некий дух и вкус, пленяющий к дружелюбию.

Она различит нас от зверей милосердием и справедливостью, а от скотов – воздержанием и разумом; и не иное что есть, как блаженнейшее лицо Божие, тайно на сердце написанное, сила

и правило всех наших движений и дел. В то время сердце наше делается чистым источником благодетей, несказанно душу веселящих; и тогда-то мы бываем истинными по душе и по телу человеками, подобны годным для строения четверугольным камням, с каковых живой Божий дом составляется, в котором он особливо царствует милостию.

Трудно неоцененное сие сокровище проникнуть и приметить, а для одного сего любить и искать ее нелегко.

Но сколь она снаружи неказиста и презренна, столь внутри важна и великолепна, похожа на маленькое, например, смоквинное зерно, в котором целое дерево с плодами и листом закрылось, или на маленький простой камушек, в котором ужасный пожар затаился. Для оказальности намечали ее всегда признаками, и она, будто какой-то принц, имела свои портреты, печати и узлы, разные в разных веках и народах. Ее то был узел, например, змий, повешенный на колу пред иудеями.

Ее герб – голубь с масличною во устах ветвью. Являлась она в образе льва и агнца, а царский жезл был ее ж предметом и прочее.

Таилась она и под священными у них обрядами, например под едением пасхи, под обрезанием и прочее.

Закрывалась она, будто под разнovidным маскарадом, и под гражданскими историями, например под повестью о Исаве и Иакове, о Сауле и Давиде⁷¹ и проч., и одним тайным своим присутствием сделала те книги мудрыми. А в последовавшие уже времена показала она в образе мужском, сделавшись богочеловеком.

Каковым же способом Божия сия премудрость родилась от отца без матери и от девы без отца, как-то она воскресла и опять к своему отцу вознеслась и прочее, – пожалуй, не любопытствуй. Имеются и в сей так, как в прочих науках, праздные тонкости, в которых одних может себе занять место та недействительная вера, которую называют умозрительною. Поступай и здесь так, как на опере, и довольствуйся тем, что глазам твоим представляется, а за ширмы и за хребет театра не заглядывай. Сделана сия занавесь нарочно для хутородных и склонных к любопытству сердец, потому что подлость, чем в ближайшее знакомство входит, тем пуще к великим делам и персонам учтивость свою теряет.

На что тебе спрашивать, например, о воскресении мертвых, если и самый дар воскрешать мочь ничего не пользует бездельной душе – ни воскрешающей, ни воскрешаемой? От таких-то любопытников породились расколы, суеверия и прочие язвы, которыми вся Европа беспокоится. Важнейшее дело Божие есть: одну беспутную душу оживотворить духом своих заповедей, нежели из небытия произвести новый земной шар, населенный беззаконниками.

Не тот верен государю, кто в тайности его вникнуть старается, но кто волю его усердно исполняет.

Вечная сия премудрость Божия во всех веках и народах неумолчно продолжает речь свою, и она не иное что есть, как повсеместного естества Божиего невидимое лицо и живое слово, тайно ко всем нам внутрь гремящее. Но не хотим слушать советов ее, одни за лишением слуха, а самая большая часть – по несчастному упрямству, от худого зависящему воспитанию.

Прислушивались к нетленному сему гласу премудрые люди, называемые у иудеев пророками, и со глубочайшим опасением повелеваемое исполняли.

Она начало и конец всех книг пророческих; от нее, чрез нее и для нее все в них написано. По сей причине разные себе имена получила. Она называется *образ Божий, слава, свет, слово, совет, воскресение, живот, путь, правда, мир, судьба, оправдание, благодать, истина, сила Божия, имя Божие, воля Божия, камень веры, царство Божие* и проч. А самые первейшие христиане называли ее Христом, то есть царем, потому что одна она направляет к вечному и

⁷¹ О Исаве и Иякове, о Сауле и Давиде... – библейские персонажи, см.: Быт 27; 1 Цар 18–21.

временному счастью все государства, всякие сожительства и каждого порознь. Да и, кроме того, у древних царственным называлось все, что верховным и главнейшим почиталось.

Провидел, было, Авраам блаженнейший свет ее и, на ней уверившись, сделался со всею фамилиею справедливым, а с подданными благополучным. Однако она и прежде Авраама всегда у своих любителей жила. А Мойсей, с невидимого сего образа Божиего будто план сняв, начертил его просто и грубо самонужнейшими линиями и, по нему основав иудеевское общество, сделал оное благополучным же и победительным. Он по-тогдашнему написал, было, его на каменных досках⁷² и так сделал, что невидимая премудрость Божия, будто видимый и тленный человек, чувственным голосом ко всем речь свою имеет.

Сия речь, понеже от него разделена на десять рассуждений, или пунктов, потому названа десятословием.

Глава 5-я О десятословии

I

«Я есть Господь Бог твой, да не будет тебе богов иных!..» и прочее.

Яснее сказать так: Я глава твоего благополучия и свет Разума. Берегись, чтоб ты не основал жития твоего на иных советах, искусствах и вымыслах, хотя б они из ангельских умов родились. Положись на меня слепо. Если ж, меня минув, заложишь век твой на иной премудрости, то она тебе будет и богом, но не истинным, а посему и счастье твое подобно будет воровской монете.

II

«Не сотвори себе кумира!..» и проч.

А как на подлых камнях, так еще больше не велю тебе строиться на видимостях. Всякая видимость есть плоть, а всякая плоть есть песок, хотя б она в поднебесной родилась; все то идол, что видимое.

III

«Не приемли имени!..» и проч.

Смотри ж, во-первых, не впади в ров безумия, будто в свете ничего нет, кроме видимостей, и будто имя сие (Бог) пустое есть. В сей-то бездне живут клятвы ложные, лицемерия, обманы, лукавства, измены и все тайных и явных мерзостей страшилища. А вместо того напиши на сердце, что везде всегда присутствует тайный суд Божий, готов на всяком месте невидимо жечь и сечь невидимую твою часть, не коснясь ни точки, за все дела, слова и мысли, в которых меня нет.

IV

«Помни день субботний!..» и проч.

⁷² На каменных досках – речь идет о скрижалях Завета: Исх 31.

Сие ты повсюду и внутри тебя кроющееся величество Божие с верою и страхом в день воскресный прославлять не забывай, а поклоняйся не пустыми только церемониями, но самым делом, сердечно ему подражая. Его дело и вся забава в том, чтоб всеминутно промышлять о пользе всякой твари, и от тебя больше ничего не требует, кроме чистосердечного милосердия к ближним твоим.

А сие весьма легко. Верь только, что сам себя десятью используешь в самое то время, как используешь других, и напротив того.

V

«Чти отца твоего!..» и проч.

Прежде всех отца и мать почитай и служи им. Они суть видимые портреты того невидимого существа, которое тебе столько одолжает.

А вот кто отец твой и мать: будь, во-первых, верен и усерден государю, послушен градоначальнику, учтив к священнику, покорен родителям, благодарен учителям твоим и благодетелям. Вот истинный путь к твоему вечному и временному благоденствию и к утверждению твоей фамилии. Что же касается прочих общества частей, берегись следующего:

VI

«Не убий!»

VII

«Не прелюбодействуй!»

VIII

«Не воруй!»

IX

«Не свидетельствуй ложно, или не клевети!» Осуждаем виновного, а клеветим невинного. Сия есть страшнейшая злоба, и клеветник по-эллински – дьявол.

X

«Не пожелай!..»

Но понеже злое намерение семя есть злых дел, которым числа нет, а сердце рабское неисчерпаемый есть источник худых намерений, для того по век твой нельзя быть тебе честным, если не попустишь, дабы вновь Бог переродил сердце твое. Посвяти ж оное нелицемерной любви. В то время вдруг бездна в тебе беззаконий заключится... Бог, Божие слово, к Его слову любовь – все то одно.

Сим троеличным огнем разожженное сердце никогда не согрешает, потому что злых семян или намерений иметь не может.

Глава 6-я

Об истинной вере

Если б человек мог скоро понять неоцененную великого сего совета Божиего цену, мог бы его вдруг принять и любить.

Но понеже телесное, грубое рассуждение сему препятствует, для того нужна ему вера. Она закрытое всем советом блаженство, будто издали в зрительную просматривает трубку, с которою и представляется.

При ней необходимо должна быть надежда. Она слепо и насильно удерживает сердце человеческое при едиnorodной сей истине, не позволяя волноваться подлыми посторонних мнений ветрами. По сей причине представляется в виде женщины, держащей якорь.

Сии добродетели сердце человеческое, будто надежный ветер корабль, приводит, наконец, в гавань любви и ей поручает.

В то время, по открытии глаз, тайно кричит в душе Дух Святой следующее: «Правда твоя, правда вовек, и закон твой – истина».

Глава 7-я

Благочестие и церемония – разнь

Вся десятословия сила вмещается в одном сем имени – *любовь*. Она есть вечный союз между Богом и человеком. Она огонь есть невидимый, которым сердце распаляется к Божию слову или воле, а посему и сама она есть Бог.

Сия божественная любовь имеет на себе внешние виды, или значки; они-то называются *церемония*, *обряд*, или *образ благочестия*. Итак, церемония возле благочестия есть то, что возле плодов лист, что на зернах шелуха, что при доброжелательстве комплименты. Если же сия маска лишена своей силы, в то время остается одна лицемерная обманчивость, а человек – гробом раскрашенным. Все же то церемония, что может исправлять самый несчастный бездельник.

Глава 8-я

Закон Божий и предание – разнь

Закон Божий пребывает вовеки, а человеческие предания не везде и не всегда.

Закон Божий есть райское древо, а предание – тень.

Закон Божий есть плод жизни, а предание – листвие. Закон Божий есть Божие в человеке сердце, а предание есть смоковный лист, часто покрывающий ехидну. Дверь храма Божия есть закон Божий, а предание есть приделанный к храму притвор. Сколь преддверие от алтаря, а хвост от головы, столь далече отстоит предание [от закона Божия].

У нас почти везде несравненную сию разность сравнивают, забыв закон Божий и смешав с грязью человеческою воедино, даже до того, что человеческие враки выше возносятся; и, на оныя уповая, о любви не подумают, да исполнится сие: «Лицемеры! За предания ваши вы разорили закон». Все же то есть предание, что не Божий закон.

Глава 9-я

О страстях, или грехах

Страсть есть моровой в душе воздух. Она есть беспутное желание видимостей, а называется нечистый или мучительный дух. Главнейшая всех есть зависть, мать прочих страстей и беззаконий. Она есть главный центр оной пропасти, где душа мучится. Ничто ее не красит и не пользует. Не мил ей свет, не любя благочинность, а вред столь сладок, что сама себя десятью съедает.

Жало адского сего дракона есть весь род грехов, а вот фамилия его: ненависть, памятозлобие, гордость, лесть, насытость, скука, раскаяние, тоска, кручина и прочих неусыпаемый в душе червь.

Глава 10-я

О любви, или чистосердечии

Противится сей бездне чистосердечие. Оно есть спокойное в душе дыхание и веяние Святого Духа.

Оно подобно прекрасному саду, тихих ветров, сладко-дышущих цветов и утехи исполненному, в котором процветает древо нетленной жизни.

А вот плоды его: доброжелательство, незлобие, склонность, кротость, нелицемерие, благонадежность, безопасность, удовольствие, кураж и прочие неотъемлемые забавы.

Кто таковую душу имеет, мир на нем, и милость, и веселие вечное над головою сего истинного христианина!

Наркисс⁷³

Разглагол о том: Узнай себя

Пролог

Сей есть сын мой первородный. Рожден в седьмом десятке века сего. Наркисс нарицается некий цвет и некий юноша. Наркисс – юноша, в зеркале прозрачных вод при источнике взирающий сам на себя и влюбившийся смертно в самого себя, есть предревняя притча из обветшалого богословия, которое есть мать еврейского. Наркиссов образ благовестит сие: «Узнай себя!» Будто бы сказал: хочешь ли быть доволен собою и влюбиться в самого себя? Узнай же себя! Испытай себя крепко. Право! Как бы можно влюбиться в неведомое? Не горит сено, не касаясь огня. Не любит сердце, не видя красоты. Видно, что любовь есть Софиина дочь. Где мудрость узрела, там любовь сгорела. Воистину блаженна есть самолюбность, если есть святá; ей свята, если истинная; ей, говорю, истинная, если обрела и узрела единую оную красоту и истину: «Посреди вас стоит, его же не знаете».

⁷³ Диалог «Наркисс» написан в 1769–1771 гг., напечатан М. И. Антоновским без указания авторства в брошюре «Библиотека духовная, содержащая в себе дружеская беседы о познании самого себя» (СПб, 1798). Наркисс (Нарцисс) в греческой мифологии, прекрасный юноша, влюбившийся в свое отражение и умерший от тоски по самому себе. Для Сковороды Наркисс – символ самопознания; мудрый нарциссизм – стремление и умение прозреть сквозь плотскую, тленную, видимую натуру внутреннюю, невидимую, вечную натуру, божественное в себе начало. «Наркисс» является произведением, структура которого в наиболее явном виде совмещает элементы диалога и внехрамовой литургии, что выражается в том числе и в многослойной организации художественного времени. Первый пласт времени можно назвать эмпирическим: беседы ведутся на протяжении семи дней, от понедельника до воскресенья. Это эмпирическое время является, однако, аллегорией другого времени, страстной седмицы, времени символического. Третий пласт смыслового поля образует время литургическое. Четвертый пласт – время архетипа: семь дней в притче, рассказываемой старцем Памвой в самом начале «Симфонии». «Пролог» и «Чудо» образуют своеобразную проскомидию, обряд приготовления к литургии. Священник, вынимая копием из просфоры так называемого Агнца, читает преобразовательный текст из книги пророка Исайи, где упоминается агнец, ведомый на заклание (53:7). В сквородиновской проскомидии речь идет также о некоем прообразе, функцию которого выполняет миф о Наркиссе. И если в «Прологе» этот миф трактуется как символ самопознания, преображения, возрастания к Богу, то «Чудо, явленное во водах Наркиссу» повествует о реальности этого обожающего самопознания и напоминает о ветхозаветных и новозаветных «наркиссах»: Давиде, ап. Павле и др. «Святые дары» (т. е. Слово Божие) приготовлены, и Сковорода цитированием того же Исайи скрепляет мифологему, которая затем станет разворачиваться уже сюжетно-символически. Этот оптимистический пролог задает тон последующим размышлениям собеседников. Шесть последующих разговоров посвящены проблеме самопознания (все они называются «Разговор о том: знай себе»), образуют вступительную, экзотерическую, часть литургии – литургию оглашенных. «Катехуменов» (оглашенных) двое – Клеопа и Филон. Это неграмотные земледельцы, простецы. Друг, с посильной помощью Луки, любителя «поговорить о чем-либо из божиего слова», помогает им в непривычном деле самопознания – приближения к «истинному человеку». Именно этот процесс узнавания, выявления и осуществляется в «литургии оглашенных». На протяжении шести дней в неспешных беседах происходит выяснение того, что есть подлинное самопознание-богопознание-богообщение («евхаристия»). Речь идет о внутреннем человеке («Разговор 1-й»), о невидимой натуре в прочих тварях («Разговор 2-й»), о внутреннем человеке как мере сущего («Разговор 3-й»), о различении добра и зла («Разговор 4-й»), о воскресении («Разговор 5-й») и его мистическом залоге – искре божией: «бог есть во плоти человеческой» («Разговор 6-й»). Это своеобразная катехизация, т. е. разъяснение основных положений учения и подготовка к вступлению в новую духовную общность, Церковь, для богообщения. Отличие последнего «разговора» от шести предыдущих подчеркивается особым его названием: «Разговор 7-й о истинном человеке или о воскресении» – это и есть литургия верных. Наступает время для интеллектуалистично понятой евхаристии, совместного «вкушения» Слова Божия, возрастания от плотского естества к божественному. Это происходит в форме медитирующего пения – голосом сердца, не «плотским языком», совместного пения, соглашающего (что и означает греческое слово «симфония») сердца в единстве с Глаголом Божиим, т. е. обожающего участников. Возрастание от внешней природы, от внешнего человека к внутреннему, переход от «плотского» воскресного обеда к «бенкету духовному», который явно имеет черты платоновского пира, – вот основана направляющая ось «Наркисса». Последующие четыре симфонии – это уже трехголосное виртуозное согласование различных цитат из св. Писания в единое целое, перемежаемое медитацией над их смыслом.

Блажен муж, который обретет в доме своем источник утешения и не гонит ветры со Исавом, ловительствуя по пустым околицам. Дочь Саулова Мелхола, из отчего дома сквозь окно рассыпающая по улицам взоры свои, есть мать и царица всех шатающихся по окольным пустыням во след беспутного того волокиты, кого, как буйную скотину, встретив, загонит в дом пастырь наш. Куда тебя бес гонит? «Возвратись в дом твой!»

Сии суть Наркиссы буйные. А мой мудрый Наркисс амурится дома, по Соломоновой притче: «Разума праведник, себе друг будет».

Кто-де прозрел в водах своей тлени красоту свою, тот не во внешность какую-либо, не во тления своего воду, но в самого себя и в самую свою точку влюбится. «Пути твои посреди тебя успокоишь».

Наркисс мой, правда, что жжется, разжигаясь углем любви, ревнуя, рвется, мечется и мучится, ласкосердствует, печется и молвит всеми молвами, а не о многом же, ни о пустом чем-либо, но о себе, про себя и в себе. Печется о едином себе. Едино есть ему на потребу. Наконец, весь как лед, истаяв от самолюбного пламени, преобразается в источник. Право! Право! Во что кто влюбился, в то преобразился. Всяк есть то, чье сердце в нем. Всяк есть там, где сердцем сам.

О милая моя милость, Наркисс! Ныне из ползущего червища восстал пернатым мотыльком. Ныне се воскрес! Почему не преобразился в ручей или поток? Почто не в реку или море? Скажи мне! Отвечает Наркисс: «Не вредите мне, ибо доброе дело сотворил я. Море из рек, реки из потоков, потоки из ручьев, ручьи из пара, а пар всегда при источнике сущая сила и чад его, дух его и сердце. Се что люблю! Люблю источник и главу, родник и начало, вечные струи, источающие из пара сердца своего. Море есть гной. Реки проходят. Потоки высыхают. Ручьи исчезают. Источник вечно паром дышит, оживляющим и прохлаждающим. Источник единый люблю и исчезаю. Прочее все для меня стечь, сечь, подножие, сень, хвост...» О сердце морское! Чистая бездна! Источник святой! Тебя единого люблю. Исчезаю в тебе и преображаюсь... Слышите ли? Се что воспевают орлий птенец, орлиной матери фиваидской премудрости!

Лицемеры и суеверы, слыша сие, соблазняются и хулят. Во источник преобразиться? Как могут сии быть? Не ропщите! Вельми легко верующему, яснее скажу, узнавшему в себе красоту оную: «Пар есть сила Божия и излияние Вседержителя славы чистое».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.